

Знахарка из ПиТера в ПетерГрад

Ана Ховская

Ана Ховская

Знахарка. Из Питера в Петерград

«Автор»
2026

Ана Ховская

Знахарка. Из Питера в Петерград / Ана Ховская — «Автор», 2026

Перед защитой диплома мы с подругой Зойкой решили оторваться, но всё пошло наперекосяк: мстительный бывший, спасение в странном баре, один коктейль — и бац!..Теперь я знахарка в избушке «на курьих ножках» посреди дремучего леса. А Зоя... бедная Зоя!Остались сущие мелочи: разобраться с местными порядками, уберечь Зою и найти дорогу домой!Только с каждым днём новый мир заставляет сомневаться, где на самом деле моё место. Или всё дело во взгляде местного «мистера Дарси», от которого замирает сердце?

© Ана Ховская, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Выход есть всегда 5
Глава 2. Избушка на козьих ножках 13
Глава 3. Из мажорки в знахарки 18
Глава 4. «Парк юрского периода» 25
От автора 29
Глава 5. Из Питера в Петерград 30
Глава 6. Драпать со всех лаптей 38
Глава 7. Реверансы по-питерски, или Волшебный пендель 45
Глава 8. Цирк на копытах, или Побег из Петерграда 53
Глава 9. Спасатели Малибу 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Ана Ховская
Знахарка. Из Питера в Петерград

Глава 1. Выход есть всегда

— Ты куда это собралась на ночь глядя? Не у тебя ли завтра защита диплома? — необычно громко, но обычным тоном папеньки спросил братец, не отрываясь от экрана телефона.

— Давно ли ты меня воспитывать взялся? — фыркнула я, запихивая в рюкзак пару яблок со стола.

Сроду не замечал, а тут на тебе. Как папенька назначил главой юридической службы в холдинге, так и принялся строить сестричку. А старше меня всего на два года.

— И какой из тебя юрист? Подставишь только компанию, — проворчал тот. — И мне обуза в отдел…

«Вот сюрприз-то будет», — мысленно ухмыльнулась я, зная, что никаким юристом не буду, даже порог отцовского холдинга не переступлю.

— Не бойся, я на твоё место не претендую, — парировала тем же тоном, скривила рожицу и, закинув рюкзак на плечо, выбежала из столовой в холл.

Завтра последний день моей каторги, только после зубрёжки тезисов всё равно в голове сквозняк – перегруз с госами, и дома ежедневно мозг выедали –нарасти не успел. Не лезет в меня юриспруденция, как ни запихивай – не моё! Но кого интересовали мои желания? Документы из московского меда, на который поступила после лицея на бюджет, мечтая, наконец, сбежать из дома, забрали, а меня запихнули в питерский на юридический, чтобы потом запихнуть в холдинг, ведь семья – отличная команда. Хотя кому нужна такая семья, в которой мы так близки, что стараемся не пересекаться.

— Марина, стоять! — прогремел за спиной голос папеньки, пока шнуровала кеды. — Куда собралась?

«Засада… не успела!» — поморщилась, натянула джинсовку и обернулась с самой невинной улыбкой.

Папенька, скрестив руки на груди, стоял на пороге столовой и недовольно щурился.

— Мне нужно в библиотеку, — затянула обычную рабочую отмазку.

Тот скептически свёл густые брови и усмехнулся:

— В полвосьмого вечера?

— Библиотека до десяти. Пару тезисов нужно проработать… — я даже расстроенно пожала плечами.

— Надеюсь, не надо напоминать об уговоре? Диплом ты обязана получить в этом году!

— У меня хорошая память… — вырвалось сквозь зубы.

— А не защитишься – ни копейки больше не получишь! А если ещё один академ возьмёшь – на паперти стоять будешь! — как всегда, перешёл к угрозам он, повысив голос.

Вроде и привыкнуть должна, а каждый раз, как пощёчина, ещё и из столовой донеслось мерзкое хмыканье братца.

«Что ты ко мне прицепился? У тебя и без меня наследничек имеется», — терпеливо опустила глаза в пол в ожидании конца морали.

— Дорогой, ну она же вроде как болела, ты забыл? — подала голос маменька за спиной отца и пригубила мартини. — Я уже и не помню… По-моему, что-то серьёзное было…

На третьем курсе одно за другим досталось: связку порвала на скалодроме и парень бросил – наследницу побогаче нашёл. А я по нему с ума сходила… Казалось, я сдулась, вот и ушла в академ. Ну и до кучи…

— Ветрянка, мам, — с приторной любезностью напомнила я той, кто только и знает, что «выбивать» бюджет на шопинг по заграничным бутикам.

— Хитрянка! — гаркнул отец. — Хватит, я сказал! Семь лет учится, позорище! Где это видано?! Чтобы в одиннадцать дома была! — и припечатал: — Сам на защиту отвезу!

«Вот это да! Королевский эскорт…» — усмехнулась молча, но клятвенно кивнула и, пятясь к двери, буркнула:

— Спасибо за оказанную любезность, я уже опаздываю!

— Огрызок неблагодарный! — послышалось вслед, но я уже проскользнула в дверь.

Да, юрфак – моё проклятие, но меня так просто не возьмёшь! Где это видано – запрещать человеку свою жизнь определять? Но, раз за меня определили, и я пошла на принцип: слово себе дала – диплом крутого вуза выстрадаю, будет визитной карточкой для первого впечатления. Работу я всё равно по душе найду – дело за языком и прытью, а этого в достатке.

— Мариш, а ужин? — услышала из окна кухни беспокойный голос Елизаветы Андреевны, когда я уже свернула за дом. — Голодная же. И так на диете бог знает сколько…

Я обернулась, запрыгнула на бортик клумбы под окном и, балансируя на носке, улыбнулась всегда доброй и заботливой женщине:

— Нянь Лиз, у меня всё по расписанию! — и похлопала по рюкзаку. — Всё с собой. Перекушу с Зоей…

— Золотинка моя, береги себя, — покачала головой та. — Зоеньке привет передавай…

— Передам, — чмокнула няню в щёку, спрыгнула и побежала к воротам, где уже ждало такси.

Елизавета Андреевна, которая нянчила меня с рождения, теперь у нас что-то вроде многофункционального комбайна: экономка, кухарка, горничная – всегда поддерживала мои желания и стремления, как и её муж, дядя Саня, водитель матери. Он и водить учил, и сейчас часто с ним в гараже зависаю, когда от зубрёжки тошнит, а Зойка, подруга, по спа-салонам околачивается. Я знаю их лучше, чем собственных родителей, и люблю, потому что для них я не Марина Кольцова, дочь владельца заводов, газет, пароходов, «неблагодарный огрызок», а просто Золотинка, которой по сей день иногда заплетают на ночь косички…

Просто иногда люди любят не за что-то, а потому что умеют. И это сбивает с толку: что не так в этой жизни? Я не леди совершенство (все такие идеальные, что ли, и соринке негде упасть?), но почему брата родители выбрали в любимчики, а я – позор семьи, вечно нескладная, вечно хочу не того, что нужно хотеть… будто не выполняю предназначение по рождению. Ещё и ежедневно грозятся лишить всего, как будто я без кольцовских миллионов не выживу. Столько возможностей, и я не безрукая!

Сколько раз удирала, чтобы начать самостоятельную жизнь, но папенька за шиворот ловил и возвращал в трёхэтажную элитную тюрьму под Питером. Только в старших классах ни ума, ни опыта не хватало, чтобы выстроить успешную стратегию побега. Но, когда отец снял с поезда, запретив учиться в меде, привёз домой, заплаканную и ненавидящую всех, няня Лиза открыла глаза: «Будь хитрее: наберись терпения, прояви интерес и смекалку, а жизнь шанс подкинет». И я резко поумнела.

В универ пошла с блестящим «энтузиазмом». Я легко схватываю, а не схвачу, так с фантазией вывернусь. Все предметы шли на ура, но с правом… О-о-о! Где-то сдавала на троечку с ниточкой, где-то договаривалась, а где-то без пузатого конверта не обходилось. Деньги добывала сама: неофициально подрабатывала його-тренером, мать покупала брендовые шмотки, а я их тихо возвращала; или с Зойкой устраивали активности для мажоров – худо-бедно справлялась. Так казалось, что я хозяйка своей жизни…

* * *

Такси подкатило к любимой Зойкиной элитной кофейне на Гороховой, и я сразу разглядела смешливую рожицу подруги за окном, зазывающей скорее присоединиться к чревоугодию.

Зойка сидела на нашем любимом месте за барной стойкой с целым блюдом пирожных, наполовину выпитым стаканом кофе со льдом и флиртовала с бариста.

Я ущипнула её за пышную попу в брендовых рваных джинсах и плюхнулась рядом.

— Ну наконец-то! Я уже два раза влюбилась в бариста и один раз в бармена, — оглянулась Зойка, поправляя на макушке две кокетливых гульки из розовых волос (её новая фишка в этом сезоне).

— Извини, бояре разбушевались, — закатила глаза я и пальцем показала бармену на мокиато. — Еле ноги унесла, — а потом кивнула на отвернувшегося бариста: — Новенький?

— Ага, — сладко зажмурилась подруга. — Лакомка! Такая попка, ты глянь…

И мы синхронно вытянули шеи, чтобы заглянуть за барную стойку. Я мельком оценила парня и одобрительно кивнула:

— Да, похож на твою сорок первую мечту.

— Эй, ты что, счёт ведёшь? — прыснула Зойка и щёлкнула меня по носу пальцем. — Кстати, а ты почему не на своей тачке?

— А-а, папенька вчера ключи отобрал. Сказал: диплом принесёшь – верну.

— А ты что? — возмущённо похлопала веерами-ресницами Зойка.

— Ничего, — усмехнулась я. — Думает, меня этим проберёт… побегу умолять. Ха!

— Свайпни[1], дорогая! У меня вообще треш! По ходу, папочка ещё не понял, что я окончила универ год назад и сама зарабатываю. Прикинь, сегодня спрашивает: «Как у тебя с сессией?»

Я округлила глаза и расхохоталась:

— О-о, это новый уровень невидимости!

— Как бы не маразм! — вскинула палец подруга.

— Удивляюсь тебе, как ты с ним ещё живёшь?

— Да хоть сейчас могу свалить, — самодовольно дёрнула плечом Зоя. — Но хочу ещё с него квартиру вытянуть – маленькая месть: завёл дочь, маму в молодости загубил, пусть теперь расплачивается.

— Эх, если бы за деньги можно было купить любовь… тогда я за них поборолась бы… Закупила бы нам обеим на всю жизнь, хотя… зачем тебе она? — и смешливо потрепала розовые гульки на макушке Зойки. — Она у тебя через космос поступает… — кивнула на бармена, съедающего Зойку глазами – сохнет по ней уже год.

— Это да-а… — довольно протянула подруга и подмигнула красавчику. — Сегодня найдём тебе нового парня… Хватит быть одной!

— Ой, меня от всех них мутит, им нужна не я, а кошелёк папеньки, — с неприязнью замотала головой и с предвкушением потянулась руками в стороны: — А вот от чего балдею, так это от мысли, что скоро получу диплом и пойду на вольные хлеба… Вот заживу-то!

— А в мед уже не хочешь?

— Перегорело, да и химия за семь лет выветрилась, — отмахнулась я и благодарно кивнула бариста, подавшему дымящийся напиток. — Мне скоро двадцать четыре, а я ещё ничего не сделала для себя… Ещё шесть-семь лет потратить на учёбу, а потом ординатору? Нет, пойду уже зарабатывать и жить свою жизнь! Главное – защиту пережить…

— Переживёшь! Зря я тебе дипломную слизала у юриста отца, что ли? — засмеялась Зоя.

---

[1] Свайп (сленг – свайпнуть) – смахнуть влево-вправо информацию/картинку на сенсорном экране телефона, активировать или закрыть функцию.

— Что бы я без тебя делала! — подмигнула я.

— А я без тебя! И никто не устоит перед двумя боевыми единицами! — выпятила подруга грудь и обняла меня.

Это правда! Мы с Зоей с первого класса лицея – непреодолимая сила: вывернемся и не вспотеем, а друг для друга – утешение и опора.

— Ох, пышка, я тебя обожаю! — и прижалась к родной девчонке. — Итак, что у нас в программе?

— Пирожные доем и двинем. Давай, помоги, — облизывая губы от крема, прожевала Зоя и подвинула ко мне блюдо с божественно ароматными эклерами.

— Не-е-ет! — сразу пресекла попытку пышки пристрастить меня к вредной пище.

Зойка без своей аппетитной харизмы и не Зойка вовсе, но мне, знающей, как это – быть необъятной, противопоказано кидаться на всё, что вкусно пахнет. Зря я, что ли, столько работала над собой, чтобы сбросить семнадцать килограмм? Ведь всю жизнь закармливали, будто едой откупались. Только в старших классах, когда парни на меня не реагировали, а одноклассницы дразнили жиробасом, решила поменять всё. Четыре года йоги, бега, собственной диеты – и вот я почти идеал: не тощая, как модель, но и лишнего жирка нет.

— Ну хоть одно возьми? Очуметь, как вкусно! — канючила Зоя, будто одной в горло не лезет.

— Так и быть – понюхаю, — ущипнула подругу за бочок и подмигнула.

— Вот всегда ты так! А и ладно – мне больше достанется! Запасусь на чёрный день! — хихикнула Зоя, игриво приподнимая ладонями пышную грудь.

— Так куда двинем? Давай куда-нибудь повеселее, а то от напряга за этот месяц или сдуюсь, или меня взорвёт.

— Уверена, что повеселее? Завтра день Х…

— Ничего, защита в два, успею отоспаться, а там главное – на тройку сдать.

— Ну тогда давай сегодня тебя разминируем? Место одно нарыла – атмосферно, антуражно, говорят, и поактивничать можно!

Мы с Зойкой не любители по клубам тусить, больше по всяким флэшмобам, квизам и скалодромам, но иногда и на танцполе оттягиваемся.

— Едем! — оживилась я и потянула подругу за розовый локон у виска.

Мы допили напитки, Зоя, не в силах расстаться с последним пирожным, завернула его в салфетку и жевала по дороге к такси.

А место и правда оказалось стоящим: музыка не рвала перепонки, интерьер не бил по глазам, стояли пинбольные автоматы и аэрохоккей, взрослый народ без подросткового наплыва. Люблю компании повзрослее и активничать без дикого угара. Но сегодня…

— Класс! Мне нравится! — объявила я, пригубив коктейль, что симпатяга-бармен смешал под флирт с любвеобильной Зойкой.

— Говорю же, что не зря свои деньги гребу! — гордо вскинула подбородок подруга.

И это тоже правда, Зоя давно зарабатывает шикарными блогами про необычные места и их изюминки и вкусности, знает, как эффектно преподнести что угодно, и от рекламщиков нет отбоя.

— Ну что, не будем терять время?

Для разогрева мы «размазали» каких-то парней в аэрохоккей, потанцевали, снова выпили. Где-то между третьим шотом какой-то травяной настойки и «давай ещё по одной, и взорвём танцпол» мы потеряли чувство времени.

Я почти не пью – это же миллион калорий! – но сегодня «разминирование» было необходимо.

— Слушай, а куда мы с тобой потом? — спросила Зойку, в короткий передых привалившись грудью к барной стойке.

— Потом? — пьяно моргнула она и кокетливо поиграла розовой чёлкой перед барменом. — По-моему, здесь хорошо… а тебе нет?

— Да я про жизнь… — мотнула головой, чувствуя, что всё больше плыву. — Зой, не хочу с тобой расставаться, а в Питере папенька жизни не даст… Давай уедем в Москву? Или ещё куда…

— О-о, — Зойка описала круг глазами. — Об этом подумаем на трезвую… А сейчас смотри и трепещи! — и выдала несколько зажигательных па.

Народ захлопал и заулюлюкал.

— За свободу! Скоро ты возьмёшь своё! — вернулась она с двумя новыми шотами.

— О-о, не дождусь! И… пойду в официантки! — торжественно кивнула я.

— Фу! Подносы таскать? В подсобке с барменами тискаться? — хихикнула Зоя и скосила глаза в сторону красавчика за стойкой. — Хотя…

— Так и быть, барменов буду тебе одалживать! — засмеялась я.

Зоя расплылась в предвкушающей улыбке.

— Не-е! Лучше иди в його-тренеры или диетологи… Ты все жиринки в гроб загонишь своей диетой…

— Только не твои, — потрепала за щёчки подругу и чмокнула в нос.

— Только не мои! Я кремень! За это и выпьем!

Мы выпили за это, потом за справедливость, потом за флаг королевства Бутан, потом ещё за что-то великое и бессмысленное…

Уже изрядно повеселевшая, я мазнула взглядом по толпе и на противоположном конце барной стойки вдруг застряла на бывшем ухажёре, Максе. Вот уж с кем-с кем, а с ним точно не хотелось встречаться ни сегодня, ни здесь, ни в следующей жизни. Я для него, что красная тряпка для быка: до сих пор мстит, если столкнёмся.

Я к нему в девушки и не набивалась – тусили в общей компании. Но после пары проводов домой он почему-то решил, что я его собственность. Но уж очень сильно я прищемила ему самолюбие отказом, и он устроил прилюдную казнь: столько грязи вылил в сеть!

Ненавижу мажоров-нарциссов, качающих права, а у самих за душой пусто. Пока не вырвусь из этого круга, не найду того, за чью спину, а не за кошелёк спрятаться можно.

— Надо было взять Кузю, — развернувшись на стуле, процедила подруге.

— Зачем это? — моргнула Зойка уже полустеклянными глазами.

Кузя у Зойки – сто кило органических мускулов, по-моему, ещё в утробе начал заниматься бодибилдингом. Туповат, поэтому её и кроет от всяких барменов, которые на язык богаты, но добряк и, если что, за нас одним пальцем пополам сложит.

— Для охраны… — поморщилась я и почесала кончик носа.

— Откуда искры? — тут же прищурилась Зойка, глядя на мою привычку чесать нос, когда нервничаю.

— А-а-а, — раздражённо затрясла руками и зажмурилась. — Да вон… сидит анчоус мелкокалиберный… Ты же помнишь эти помои в сторис про меня?

Зойка вытянула шею в сторону, чуть не выпав из стройного ряда сидящих за баром, и хлопнула ресницами:

— Уже не сидит…

Я прикрыла лицо ладонью и покосилась сквозь пальцы в ту же сторону. Кажется, и он меня заметил.

— Ну всё, смываемся! — схватила подругу за руку и потянула за собой.

Зойка успела ухватить бутылку воды и неровно засеменила за мной на каблуках.

Под руку, петляя между народом, мы выкатились из паба на свежий воздух. Музыка сразу осталась за спиной, сменившись тихим гулом улицы.

Глянула на наручные часы – 02:45.

«Надо же, и никто не звонил?» — вынула телефон, а тот лишь сверкнул чёрным зеркалом – разрядился!

— Давай прогуляемся, отрезвеем немного… А то, если меня такой дома увидят, трындец котёнку, — проговорила я и усмехнулась, представляя папеньку в гневе.

— Угу, — кивнула Зойка, которую так развезло от смеси шотов, что я боялась выпустить её локоть, чтобы она не растеклась на асфальте.

Хотя и самой было так легко, что уносило в сторону. Я огляделась, вздохнула и прислонилась к чьей-то красной БМВ, чтобы чуток собраться. А глядя на Зою, как та героически борется с крышкой бутылки, засмеялась.

— Чё… ты ржёшь? — буркнула она.

— Ладно, лучше вызови такси, мой в ауте… — потрясла телефоном перед Зойкой и выпустила её руку.

Вдруг за спиной раздался такой грохот, что казалось, перепонки треснули, а за шиворот посыпалось что-то колкое. Мы с Зоей оторопело оглянулись: на крыше БМВ, на которую я опиралась пятой точкой, лежали осколки бутылки, ровно такой же, как в руке подруги, и вмятина зияла, как у жерла вулкана.

Я посмотрела вверх: «Откуда это прилетело?» — и тут же вздрогнула от дикого визга:

— Сука! Ты что натворила?!

Развернувшись на пятках, увидела у выхода из паба багровое лицо Макса, его друзей, а рядом Зойкино – застывшее в недоумении. Только тут дошло, почему эта машина показалась такой знакомой.

— Это не мы… — пошевелила губами я, но получился только какой-то хрип.

Мы с Зойкой переглянулись, в глазах той красным неоном горело: «Какого чёрта?!», а у меня в мозгу кричало: «Бежать!»

Тело само молниеносно развернулось, схватило Зойку за руку и понеслось прочь. Я едва успевала соображать за ним.

— Куда?! Пацаны, держи этих!.. — заорал Макс.

Мы бежали как угорелые, так быстро, что ноги несло колесом. Вмиг отрезвела. Кажется, я сто лет так не бегала.

— А чё мы бежим?! Мы же не виноваты! — прокричала Зоя, задыхаясь.

— Поверь, сейчас лучше бежать! — выкрикнула я, выхватывая взглядом поворот в переулок. — Скорее, Зой! — и затянула её за угол.

— Марин, я на каблуках!

— Снимай!

— Ты издеваешься?!

— Снимай, сказала!

Через пару секунд Зойка уже бежала босиком, размахивая босоножками, громко матерясь, что где-то посеяла телефон.

Позади раздавался рёв мотора и визг тормозов, а за этим злобные крики: «Далеко не уйдут! Порву сучек!» И это было недалеко от истины: Макс в ярости, как петарда.

Мы ускорились и нырнули в ещё один переулок, узкий, тёмный, пахнущий сыростью и чем-то прелым. Единственная лампа над поворотом мигала, как будто вот-вот погаснет. Позади мелькнули фары – БМВ резко вывернула в нашу сторону.

— Капец! — Зоя дёрнула меня за руку, и я едва успела затормозить – впереди оказался тупик.

Она согнулась пополам, уперев ладони в колени, а я резко обернулась: фары уже заливали нас холодным неоновым светом.

— А ну сюда, козы драные! — донёсся голос Макса. — Ща ответите мне за тачку!

Сердце застучало где-то в горле, я крутнулась в поисках выхода, но вокруг одни кирпичные стены.

— Сюда! — неожиданно Зойка дёрнула за другую руку, и я качнулась следом.

Спотыкаясь, мы влетели в едва заметную дверь и ввалились в какое-то помещение. Зойка дёрнула ручку на себя, и дверь за нами закрылась с глухим скрипом.

Это оказался бар. Один зал с несколькими столиками. Здесь было так тихо и ни души, хотя под потолком горели лампы, отбрасывая красно-жёлтый свет на барную стойку и стены с фотографиями отдыхавших в баре людей. Но пахло почему-то травами и дымком благовоний.

Неожиданно заиграла тихая музыка, или после сумасшедшей беготни я её сразу просто не расслышала.

— Н-да, атмосферненько… — протянула Зоя.

— Антуражненько… — сглотнула я.

— Заблудились, девочки? — мягко прозвучало из-за барной стойки.

Я поморгала и разглядела бармена, тот появился так неожиданно, будто проявился сквозь светящуюся витрину с напитками. Или он там и стоял, а у меня уже всё смешалось перед глазами? Необычно стройный, с бледной кожей, с подведёнными глазами, короткими чёрными волосами с зелёными прядями, он смотрел на нас и лениво натирал бокалы белоснежной салфеткой.

— Какой лакомка, но… тощий… — пробормотала Зойка, бесцеремонно пялясь на человека.

— Зой, это женщина… — процедила над её плечом.

— Да?! — округлила глаза та и прищурилась. — Ой, точно! У неё грудь!

— Тише! — зажала ей рот ладонью, натянула вежливую улыбку и подвела к стойке. — Э-э, привет. А у вас есть запасной выход?

Бармен спокойно повела бровью и растянула губы в насмешливой улыбке:

— Выход есть всегда…

— Сначала воды, — рухнула Зойка на стул и приложилась лбом к столешнице.

— Воды? — и бармен снисходительно перевела глаза на неё. — Может, что-то поинтереснее?

— Нет, — мотнула головой я, — пожалуйста, вызовите нам такси, у меня телефон разрядился…

За дверью что-то стукнуло. Кажется, это были дверцы машины, а за этим послышались мужские голоса. Я снова тревожно оглянулась.

— Не беспокойтесь, двери заблокированы. Мы уже закрываемся, — догадливо сообщила бармен, набирая что-то в телефоне.

Я даже выдохнула с облегчением, но расслабиться не получалось – сторожевой пунктик в мозгу мигал: «Надо бежать домой!»

А на стойке появились две высокие рюмки, и бармен ловко наполнила их какой-то зелёной жидкостью.

— Вы здесь впервые, — констатировала она и улыбнулась шире, — за счёт заведения…

— О-о, будет что в блог написать! — с энтузиазмом ухватилась за рюмку Зойка.

— Тебе не хватит? — процедила я, тяня подругу за локоть.

— Это не алкоголь, — вкрадчиво заметила бармен.

— Мариш, не будь душной, — фыркнула Зойка и опрокинула рюмку в себя. — У-ух! А вкусненько!

Я посмотрела на жидкость – жидкость посмотрела на меня. Вот серьёзно, или это так дымок над ней клубился? Но, едва услышав за дверью крик Макса, я резко влила в себя рюмку и скривилась от мятно-ментолового вкуса. Вроде и не алкоголь вовсе, но прожгло свежестью от горла до желудка, аж похолодело внутри, даже отрезвило.

— Да, вкусно! — растянула улыбку я. — А что насчёт чёрного выхода и такси?

Бармен усмехнулась и кивнула на дальнюю стену:

— Вам туда…

За спиной раздался мощный удар. Чего доброго, они и дверь вынесут, а здесь ни охраны, ни свидетелей.

Я схватила Зойку за руку и понеслась в указанную сторону. А когда раздался безумный грохот, будто дверь вынесли с частью стены, мы резко дёрнулись к чёрному пологу на стене, откинули его и шагнули прямо в тёмный проём, за которым ни зги не видно.

Внезапно земля ушла из-под ног… Рука Зои куда-то исчезла, как и её голос… Перед глазами вдруг поплыло разноцветными пятнами, будто кто разлил акварель в воздухе… По инерции качнувшись вперёд, я упала… и падала… падала… пока не встретилась лбом с чем-то твёрдым…

«Асфальт, — успела подумать я. — Трындец котёнку…»

Глава 2. Избушка на козьих ножках

Щеки коснулось что-то мокрое и шершавое.

Соседская кошка повадилась ко мне в окно лазить, но я рада: любила эту пушистую нечисть. Но не по утрам!

Я вытянулась солдатиком от неудобной позы и проворчала:

— Пуша, отвали, хватит меня облизывать…

— Какая я тебе Пуша! Мариш, ты что голая развалилась? — раздался раздражённый голос Зойки.

«Трындец… Мы что, завалились с Зойкой ко мне? О-о, мне же на защиту сегодня!.. Неужели папенька ещё не ворвался, как всегда, с глазами навыкате? Ёлки, а когда мы пришли?..»

— Надо по-тихому нянь Лизу позвать… — просипела я. — Где телефон…

Пошарила рядом с собой — жёстко, прохладно, вроде на кровати должна лежать, но ни телефона, ни моего пушистого покрывала…

Я приоткрыла глаза и уставилась в чью-то странную белую морду, чуть подняв взгляд, увидела розовую чёлку и… длинные ребристые рога.

— Ох ёлки… Зоя, тебе, кажется, Кузя изменил… — потирая виски, проныла я, а вместе с этим и в голове зазвенело на разные лады, как будто надо мной тибетские чаши[2]запели.

— С чего ты взя-а-ала? — как-то странно, нараспев, протянула Зоя.

— У тебя рога… Хе-хе… О-о, голова трещит…

— Ага! Глаза протри! Это ты голая на полу валяешься! — фыркнула подруга так, что моё лицо оросило липкой влагой.

— Фу… прибери слюни, Зой… Щас встану…

Я скосила глаза на своё тело и увидела, что лежу полностью голая. Уставилась в потолок и обнаружила на нём какие-то веники… много веников!

Подняла голову и… Тут до меня дошло: что в лицо тычется пушистая морда… козы!

— Твою ж мать! Это белочка?! — неверяще отпрянула я и зашипела, потому что в ладонь что-то впилось, когда шаркнула ею по…

«Деревянный пол?! Чёрные доски?!»

— Чё ты несёшь? Мы выпили-то пару коктейлей… Но голова тяжёлая, будто у меня и правда рога выросли… — проблеяла коза Зоиным голосом.

Волосы на голове зашевелились, аж лицо онемело от шока.

— Они, по-моему, и выросли… — едва сама не проблеяла дрожащими губами и тяжело поднялась с досок, которыми был выстлан пол бревенчатой избушки.

«Я где?!» — подумала и поскребла ногтями кончик носа.

— О-о, чума! Я где? — повторил голос Зойки.

Я с неверием моргнула и медленно обвела пространство широко раскрытыми глазами.

Чёрный бревенчатый потолок едва проглядывал сквозь развешанные разной величины веники – пучки трав, коренья и какие-то мешочки. Вдоль стен громоздились полки, заставленные мутными склянками и глиняными горшками с подозрительными порошками или измельчёнными травами – из-за полумрака особо и не разглядеть. Свет пробивался через крошечные окна жалкими серыми полосами, только рыжие отблески огня из открытой печи скользили по стенам жуткими тенями.

А в углу стояло узкое мутное зеркало в потемневшей раме. И поклялась бы, что отражение в нём моргнуло раньше меня.

---

[2] Тибетские поющие чаши для йоги и медитаций, создают приятную мелодию.

— Трындец! — выдохнула я и закрыла рот ладонью.

— Очуметь, я ноги отлежала… — послышалось рядом.

Я вздрогнула и повернула голову к белой пушистой кучке на полу. Голос был Зойкин как пить дать, но передо мной сидела не моя пышка, а коза! Белая коза с рогами и розовой чёлкой!

— Кажется, у меня глюки!..

— Куда эта барменша нас выпихнула? — недоумённо оглядывалось животное.

— Зоя… ты – коза?! — хлопая глазами, сглотнула я.

— Что? Ты что обзываешься? — возмутилось оно.

— Я не обзываюсь, — замотала головой. — Ты – коза! — и вытянула дрожащий палец в сторону зеркала.

— Тебе пить нельзя, — фыркнула морда с пушистыми губами, деловито встрепенулась и встала на… копыта, прошествовала к зеркалу и…: — А-а-а! Мамочки! — завизжала голосом Зойки коза и рухнула на бок.

Рога звонко ударились о доски, а тонкие ножки сложились столбиком копытце к копытцу, и коза больше не двигалась.

Я втянула голову в плечи и зажмурилась, а когда приоткрыла один глаз, боязливо покосилась на неё. Она всё ещё не двигалась.

Я попятилась и наткнулась икрами на что-то широкое посреди избушки. Испуганно отскочила и прижала ладони к груди.

— Господи! Что это?

За мной оказалась лавка с тёмными прожилками в дереве, будто в них что-то затекло, да так и засохло.

«Тут же трупы не препарировали?» — замерла я.

В звенящей тишине простояла бог знает сколько, вслушиваясь, всматриваясь, принюхиваясь, а потом глаза сами нашли белое пятно на полу – козу.

«А я точно ли человек или, может, кикимора какая?»

Чуть наклонилась в сторону, вытянула шею и глянула на своё отражение. Но из зеркала на меня смотрела Марина Кольцова, всё на своих местах: рост, вес, даже тот же тёмно-русый пучок на голове с выпущенными прядями у лица, который сделала в пабе перед тем, как нас развезло, только голая.

— Фух, слава богу!

Но где-то за пределами этого пространства что-то заухало вроде филина, и я рухнула на лавку.

— Зоя? — тихо позвала я, почёсывая нос.

Коза не подавала признаков жизни. Я испуганно дёрнулась к ней и присела рядом. Но та дышала: пушистый живот размеренно вздымался. Я разглядела животное, осторожно погладила шёрстку, потрогала рога – ничего необычного, стандартная коза одна штука.

— Боже! У неё вымя?! — округлила глаза и ладонью хлопнула себя по лбу: — Я просто сплю!

Но от хлопка, и довольно сильного, картинка перед глазами не поменялась.

— Ну ладно! Одна я с ума сходить не собираюсь. Эй, Зоя ты или не Зоя, ты меня слышишь? — потыкала животинку одним пальцем.

Коза не реагировала.

— Так, я не узнаю, что тут происходит, пока не приведу тебя в чувства. Нужна вода или что-нибудь резко пахнущее… желательно нашатырь, но что-то подсказывает, что здесь такое не водится…

Я поднялась, огляделась. От атмосферы по обнажённой спине побежали мурашки. Однажды на киностудии видела декорации к сказке, но там всё было понарошку. Здесь же

каждая деталь выглядела слишком реальной, да ещё и пахло по-настоящему полынью, дымом, прелыми листьями и чем-то странным, сладковатым, от чего в носу щекотало.

В широком устье печи стоял небольшой котёл, из него шёл дымок, он так и пах. Я подошла ближе, морщась от жара печи, наклонилась к котлу. Вроде ничего особенного: травы и коренья, но со дна неожиданно поднялись сморщенные глаза. Я ахнула, моргнула, но это оказались какие-то ягоды. Меня передёрнуло от брезгливости.

— Нет, этим я тебя поливать не буду… Вдруг ещё в жабу превратишься. Коза – всё-таки животное разумное, — скривила губы я и отошла к полкам со склянками.

Бесстрашно понюхав несколько сыпучих смесей с менее подозрительным содержимым на вид, нашла одну, из которой дыхнуло так, аж в мозгу зачесалось.

— О, это точно поможет!

Подбежала к козе и подставила под нос горлышко склянки.

— Апчху! — громко раздалось от козы, а потом она раскрыла глаза, голубые-голубые, с длинными густыми ресницами – ну прямо, как у Зойки наращённые! – и покосилась на меня: — Я всё ещё коза?

— Ох, ну слава богу! — вздохнула я и приземлилась на попу, хотя чему тут было радоваться.

— Слава богу?! — вскочила на копыта коза и уткнулась мордой в зеркало. — Что? Да как такое может быть?! Нет, ты это видишь?! У меня шерсть?! Я столько месяцев на эпиляцию потратила! Да какого хрена я вся волосатая?!

Я открыла рот, скривила губы, поморщилась, но с ответом не нашлась – развела руками.

— Хотя, волосы вроде здоровые… лоснятся, как после спа-ухода, — прищурилась коза, продолжая разглядывать своё отражение, вертясь из стороны в сторону.

Ну, Зойка знает в этом толк, она без соляриев, спа, маникюра и педикюра не в состоянии обойтись. Я наконец уверилась, что эта коза и есть моя Зоя, и прыснула в ладошку, а коза развернулась, дёрнула куцым хвостом и фыркнула:

— Ты чё ржёшь!

— Я в шоке… но я же не могу отрицать, что произошло что-то сверхъестественное… И, похоже, защита отменяется? Ох, как камень с плеч! — повела плечами я и стала снова расчёсывать нос.

— Ой, я тебя умоляю, о-оденься! У меня глаз начинает дёргаться: я приличный гетеро-о-осексуал! — проблеяла Зоя, мотнула длинными ушами и обернулась вокруг себя, цокая копытцами. — Где мы?!

Взгляд упал на ворох какой-то серо-буро-малиновой ткани на той лавке. Подняла двумя пальцами, поднесла к носу, понюхала. Ничем странным она не пахла, и я накинула её на плечи. Отвратительная дерюжка прикрыла наготу почти до середины бедра.

— Ты только посмотри, где мы… — протянула Зоя.

Я обернулась и увидела козу, вставшую на задние копыта и упиравшуюся передними в узкий подоконник под косым оконцем размером с локоть на локоть.

На цыпочках подошла к ней и согнулась в три погибели, чтобы хоть что-то разглядеть.

За мутным стеклом с протёртым просветом с кулак виднелся лес. И всё бы ничего, но лес какой-то необычный для наших, питерских, мест. Это были какие-то невообразимые джунгли: высоченные деревья с толстенными стволами, покрытые мхом, трава выше колена, раскидистые папоротники, колючие кустарники и дорожка из плоских серых камней, лежащих на земле на расстоянии примерно шага, уходящая куда-то в глубь чащи.

Сквозь густые кроны просвечивали тонкие лучики света, обычного, солнечного, кое-где проглядывалось небо. Однако лес был таким густым, что конца и края ему не видать. И вся эта картина была такого сочно-зелёного цвета, что глаз и радовался, и ужасался, а внутри всё переворачивалось от невероятности происходящего.

— Не, я что, глотнула чего-то не того? Но мы ж ничего подозрительного в рот никогда не брали… — повернула ко мне голову коза и хлопнула глазами.

При свете от окна рассмотрела, какие они у неё голубые с огромным чёрным зрачком, в котором отражалось моё растерянное лицо.

— Твои глюки не могут быть моими, — заключила я. — Погоди, говоришь, ничего подозрительного? — задумчиво подняла глаза к потолку. — Мы ведь обе выпили эту зелёную настойку… может, это от неё так кроет?

— Подсыпала, зараза барменша! То-то у неё какая-то зелёная химоза на голове была! Вот уродина! — угрожающе тряхнула рогами Зоя. — А может, мы обе спим?

— Так, надо понять: это мой сон или твой, — я умыла лицо ладонями. — Кто-то же должен проснуться…

— Ущипни меня! — подвинулась Зоя.

— За что? — шокировано осматривая её белоснежную шерсть, милые торчащие уши и короткую розовую чёлку, напоминающую увеличенные усы Пуаро.

Но Зоя опустила голову и тут же боднула меня острыми рогами в бедро.

— Ай, ты чего дерёшься? — вскрикнула я, потирая место будущего синяка.

— Ну как? Проснулась? — фыркнула та. — Получается, нет.

Я шагнула к козе и постучала по мощному такому рогу:

— А ты?

— Эй! У меня аж мозг завибрировал! — возмутилась Зоя и села на хвост. — По-моему, всё это бред…

Мы снова уставились на бревенчатые стены, что по швам заросли мхом, да так органично, что вполне сходило за продуманный дизайн, на низкую печь из булыжников, склеенных чем-то вроде глины с песком, с лежанкой, на которой валялся тюфяк, по виду набитый травами, жутко серая подушка и тонкая шкура неизвестного зверя, на бесконечные полки-полочки и веники под потолком…

Всё было реальнее некуда: нос улавливал все запахи, легко ассоциирующиеся с травой, дымом, деревом… глаза смотрели привычно, улавливая цвет и формы, сердце бешено гнало кровь, но оно и понятно… а тело чувствовало всё видимое и отзывалось вполне логичными ощущениями. Из всего этого мозг заключал, что это реальность, новая, неожиданная и невообразимая, но реальность.

Я снова всплеснула руками и проговорила:

— Если мы обе это видим… сама понимаешь – мы куда-то перенеслись!

— Магия! То-очно! — догадливо округлила глаза Зоя.

— Ну, раз здесь есть магия, значит, возможен и обратный эффект! — воскликнула я. — Вот видишь, всё хорошо! Мы найдём источник и всё вернём как было!

И, притихнув, мы некоторое время разглядывали избушку, пейзаж за окном, друг друга.

— О-очуметь! А у меня нет телефона, чтобы всё это запо-о-остить… — наконец проблеяла Зоя.

Я прыснула от её смешного говора в теле козы. Но козы, между прочим, элитной: вон чёлка розовая, рога ровные, шёрстка шёлковая, будто только из салона, копытца симметричные, правда, не полированные, но это поправимо.

— Весело тебе?! — возмутилась Зоя.

— Ну… ты всегда мечтала быть блондинкой с голубыми глазами, ты ею и осталась… Просто блондинки немного больше… — ободрила я подругу как смогла, гладя её по шее.

Зоя выпятила нижнюю губу, розовую, обрамлённую нежным пушком, и сделала что-то вроде «фр-р-р».

— Прости-прости! — помотала головой, и правда понимая, что стою и ржу над этим бедным пушистым созданием. И смех и грех!

Зоя вытянулась, чинно протопала по всей избушке, повертела головой и остановилась напротив стены с несколькими досками, расположенными не так, как все, – вертикально, а на одной из них – гладкий, будто отполированный сучок.

— Интересно, куда мы попали? Может, это дверь? Мы же в дверь вывалились, я точно помню…

Я на цыпочках приблизилась к козе и уставилась на пять узких досок с двумя перекладинами. Мы переглянулись и медленно сделали шаг вперёд.

Сквозь тонкие щели просачивался дневной свет. Но только я потянулась к сучку, как за дверью скользнула огромная тень.

— Мамочки! — испуганно дёрнула в угол избушки коза.

Не успела я отшагнуть, как раздался громкий стук, да такой сильный, что отпрянула к Зое, и мы обе сели на пятую точку.

— Открывай, старуха! — опасно прозвучал властный голос.

Глава 3. Из мажорки в знахарки

— Это к какой старухе он обращается? — вытаращила глаза Зойка.

— А мне интересно другое – мы его понимаем! — прошептала я.

— Не открывай! Вдруг это дракон или ещё нечисть какая? — прижалась ко мне коза.

— Да какой дракон? — скептически прыснула я, стягивая тряпицу с плеч, чтобы повязать вокруг груди на манер парео. — Их не бывает.

— Ага, а козы говорящие – это как?

— Слышу, что ты там, открывай! Помощь нужна! — снова раздался сильный, звучный мужской голос.

— Помощь? — повернулась я к Зойке. — Кто это вообще? Голос молодой, а старухе тыкает! — возмущённо пропыхтела я, мучаясь с узлом дерюжки на шее. — Что ему надо?

— А я откуда знаю?! Не открывай! Не хватало, чтобы меня тут в таком виде заметили!

Я прыснула в ладошку:

— Тебя тут никто не знает. Репутация не пострадает.

— Хорошо тебе, не ты с рогами и на копытах! — шикнула та.

— Брось, Зой… Нам надо понять, где мы, может, мы ему поможем, а он нам?

— А чем мы – девчонки из Питера – ему поможем?

— Да сообразим! Или вид сделаем, — решилась я.

— Да? — задумчиво отстранилась коза, встала на копыта и встрепенулась. — Ну, давай посмотрим…

Я поднялась, оправила подол дерюжки – теперь он достал до коленей, и распустила волосы, чтобы прикрыть плечи.

— Так, ну вроде весь стыд прикрыла, — кивнула я в зеркало и повернулась к Зое. — Пойдёт?

— О-о! — закатила глаза та и заблеяла так громко, почти фальцетом: — Ну почему ты, как всегда, красотка, а я парнокопытное?!

— Тише ты, сама в шоке!

— Открой немедленно! — прозвучало как-то отчаянно, но это противоречило грозным ударам.

— Надеюсь, ты человек, — хмыкнула под нос, скривила губы и на цыпочках подошла к двери. — Иду-иду, милок…

Зойка засеменила следом и, склонив голову под неестественным углом, приложилась одним глазом к щели.

— Ничего не видно! Мужик какой-то… судя по рукам на ремне, не старый… О-о, кинжал у него знатный…

Страшно было, аж челюсти сводило, но я потянулась к сучку и толкнула дверь наружу.

За порогом на фоне ярко-зелёного пятна леса стоял высокий молодой мужчина лет тридцати.

Пронзительные бархатно-карие глаза вмиг расширились при виде меня. Он отпрянул на шаг, будто смутился прежних слов, но застыл, скользя взглядом по моему «наряду» и обнажённым ногам.

Да и я, как язык проглотила, уставилась на него, какого-то нереального, обалденного, но из плоти и крови. Широкоплечий, тёмные волосы вились на макушке, чёткие скулы, красивые губы, на которые так и хотелось смотреть. И ямочка на подбородке…

«М-м-м!»

Кожаные штаны, заправленные в сапоги, подчёркивали узкие бёдра и мускулистые ноги. Рукава серой рубахи под жилеткой закатаны по локоть и открывали загорелые жилистые предплечья в тугих венах…

«Красивый – спасу нет! Только какой-то старомодный… Какой это век? Восемнадцатый? Девятнадцатый?» — ожил мой мозг.

Мужчина, наконец, вскинул глаза, да чуть не споткнулся, пятясь, а межбровные складки тут же сгустились над переносицей.

«Чего это он? Будто полуголых девиц не видал, а парень взрослый, поди, проходу не дают…»

— Ма-а-амочки, лакомка какой! — раздалось за спиной.

От шёпота Зойки опомнилась, переступила с носочка на носок по грубым доскам и обернулась.

«Тощая, рогатая животинка – коза козой, а всё та же Зойка, сохнущая по красавчикам. Невероятно!»

И снова повернулась к мужчине. Он продолжал хмуриться, но будто забыл, зачем пришёл.

— Доброго вам дня! — растянула я гостеприимную улыбку.

В его взгляде появилось что-то такое, от чего и самой вдруг стало неловко за внешний вид, будто монастырский устав нарушила.

— Тебе следовало бы… одеться, — уже тише, но ещё напряжённым голосом произнёс он, стараясь не смотреть на меня.

— О-о, не обращайте внимания, у меня банный день, — кокетливо отмахнулась, а у самой так и стучало в груди, того и гляди, нырну носом из избушки прямо ему под ноги.

— О-о, засму-ущала парня! — мекнула Зойка, тесня меня от порога и высовываясь в проём двери. — Так, люди, кони – мир вроде человеческий. Тебе чего надо?

От этих слов почувствовала, как мои глаза так ширятся, что скоро лопнут. Испуганно глянула на козу и сквозь упавшие на лицо волосы покосилась на мужчину.

«Понял ли он, что коза говорит? И нормально ли это для их мира?»

Тот мельком посмотрел на меня и с каким-то раздражением сжал губы, будто злился, что позволил себе это. Или это было неодобрение? Но он так быстро отвёл взгляд, что я засомневалась в выводах.

«Хм, со всеми работает, а с этим красавцем, что не так? Ладно, ближе к делу!»

— Чем могу помочь?

На лице мужчины смешалось недовольство с досадой. Он беспокойно оглянулся, провёл пятернёй по макушке, и, глядя поверх моей головы, с очевидным недоверием спросил:

— Ты – знахарка?

«Вроде шока нет, значит, козу не слышит? Или слышит и не удивлён?» — подумала я и, нервно прыснув, ступила на узкий порожек… Но сказать ничего не успела: за его спиной кто-то так застонал, что у самой под рёбрами заныло.

Я вытянула шею и заметила, что у ближнего дерева топчутся две лошади, на одной из них, привалившись к шее, полулежал ещё один мужчина.

«Знахарка? Так вот какая помощь ему нужна? Чем я ему помогу, я ж ничего не умею?» — замелькали панические мысли.

— Принято отвечать, когда спрашивают! — сердито бросил красавец.

Зойка вытянулась вся, хвост и уши торчком и толкнула меня тёплым бочком в бедро:

— Чё хамить-то сразу! Ща забодаю!..

— Зой, потише, — сквозь улыбку проговорила я и положила ладонь на голову козы, снова пытаясь уловить в лице незнакомца, понимает ли он её.

Напряжённое лицо мужчины тут же сменилось на холодное. Он вытянулся, отвёл глаза, будто смотреть стеснялся, крепче сжал пальцы на ножнах кинжала, что аж мышцы на предплечьях заиграли.

«Хозяйку он явно не знает, но признаваться нельзя – вдруг кому заявит, что тут чужаки объявились, да ещё и с козой говорящей – не успеем и выход найти, как набегут бабы да мужики с вилами и загонят до смерти – всё ж время, похоже, дикое!» — задумалась я, настойчиво гладя козу по спинке: Зойка не обижалась – она сразу взрывалась – и вправду забодает!

— Думаешь, если у тебя кожа отличной выделки, сапоги начищенные, так тебе всё можно? — продолжила фыркать подруга, во все глаза рассматривая мужчину и притопывая копытцем. — Эй, аллё, с тобой говорю! Мариш, он что, меня не слышит?

Но гость на козу не реагировал, похоже, не понимал её. Я покачала Зойке головой и, не скукоживаясь, а наоборот, приосанившись, подбоченилась одной рукой и, продолжая тянуть улыбку, спросила:

— Собственно, чем могу помочь?

— Так ты знахарка? — всё ещё сомневаясь, спросил он. Точно ожидал не меня увидеть.

«Ясно, дам слабину – наведу подозрений. Я вроде как знахарка, у меня приоритет, в конце концов, это он за помощью пришёл… Была не была!»

— А ты к кому пришёл? — деловито вскинула брови.

Тот вытянулся, видно, моё обращение не понравилось. Но куда уж теперь переобуваться. Я только расправила плечи и прищурилась, не сводя с него глаз.

«Конечно, красавчик, но, похоже, самовлюблённый средневековый мажор. Женщин ни в грош не ставит. Хм, только мордашкой и вышел, а бревно неотёсанное!»

— Я к знахарке… но ты… — и он окинул меня скептическим взглядом, стараясь не задерживаться на обнажённых местах.

— Что я? Не старуха? — с вызовом выставила и вторую руку на пояс, а одну ножку – вперёд на носок.

— Уж больно молодая… — чуть убавил напор он и отшагнул на следующий камень.

«О-о, подействовало! Так-то! Тебе нас голыми руками не взять!»

— А ты что, мечтал бабу-ягу увидеть? — вступилась Зойка, угрожающе выставив рога.

Мужчина с заметным раздражением покосился на козу:

— Чего твоя коза разблеялась?

— Сам ты разблеялся! Я, между прочим, разговариваю! — возмутилась Зойка.

— Голодная! — смело шагнула вперёд я, прикрывая козу. — Еду на ножках увидела! — и с намёком глянула исподлобья.

Тот на мгновение замер, но потом в глазах заискрила усмешка. Он покачал головой, пару секунд переваривал, а потом вздохнул и с видом «делать нечего» снова оглянулся.

— Брат занемог по дороге в столицу. Говорят, здесь знахарка ловкая живёт. Коль это ты, помоги ему, в накладе не оставлю.

— В столицу? Это куда? — отступила я, поглядывая на стонущего парня на лошади. И правда жаль его стало: ломало бедного. Тут скорую бы вызвать, да вряд ли она у них есть. Нам с Зойкой самим скоро не помешает.

— Не ты ли тут живёшь с прошлого века? — нетерпеливо вскинул брови мужчина.

«Знать бы ещё, с какого века», — оглянулась я на козу, прикладывая палец к губам, чтобы помалкивала.

— А другие у вас знахарки или… ведьмы есть? — и прищурилась в напряжённом ожидании.

— Ведьмы? — поразился тот, и по взгляду поняла: точно решил, что я спятила. — Так ты отказываешься помочь?! Жизнь не мила?

— Э-э, он угрожает? — заблеяла Зоя. — Мариш, дай ему какого-нибудь зелья, и пусть сваливает с горизонта, нам осмотреться надо: вдруг портал, из которого мы вывалились, где-то рядом…

— Ладно, не искри, — выбросила ладошки перед собой я, придав голосу и лицу максимум снисходительности. — Помогу твоему братцу. Неси его в избу…

Я развернулась на носочках и вбежала в избушку. Зойка прискакала следом.

— Ты зачем их сюда позвала?! А-а, запрём их тут и убежим?

— А вдруг не получится убежать? Ты мало фильмов смотрела? Если нас схватят, не выкрутимся. Я-то ещё человек, но тебя могут на скотный двор отправить или зажарить, — я нервно потёрла нос, с ужасом представив эту картину.

— Бля-а-а! — протянула Зойка и присела на дрожащих ногах. А из-под её хвоста на пол вдруг посыпался мелкий чёрный горох.

— Ёлки, Зоя, ну ты нашла время! — закатила глаза я.

— Пробрало до жути! Я же не специально! Оно само-о-о! — заблеяла коза и попятилась к стене, ширя глаза на кучку своего конфуза.

Я подпрыгнула к самому большому венику под потолком, сорвала его и быстро замела козий помёт в проём под печкой.

— Рисковать не будем. Надо по-доброму договориться… Разберёмся, куда мы вообще попали, выпроводим их, а потом дальше думать будем, — прошептала я.

— И что делать-то будешь? Ты ж не знахарка!

— Терпение, дай сообразить… — щурясь на бесчисленные веники и склянки, протянула я.

Зойка растерянно косилась по сторонам, шуршала копытом по доскам, а я скребла нос, переступала с носка на носок и поглядывала в открытую дверь.

Мужчина уже стащил брата с лошади и так легко нёс его на плече, ловко перескакивая с камня на камень, что силище такой только позавидовать.

Он внёс его в избу. Я кивнула на лавку посередине. Старший брат положил младшего на лавку и бережно тронул за плечо:

— Анастас, потерпи, — обернулся ко мне, и взгляд его снова посуровел: — Что медлишь?

«Хм, командир!»

Я тихонько подошла и наклонилась над парнем.

Этот был намного моложе первого. Такой же хорошенький, только волосы длиннее и сам постройнее – не сформировался ещё в мужчину. Но лицо какого-то землистого цвета, губы сухие, бледные.

«Что у него такое? Что с ним делать? Может, методом тыка пойму?»

— Как он заболел? — деловито спросила брата.

Мужчина неожиданно резко выпрямился, чуть не задев меня, кроху, плечом, и сжал челюсти, будто сам не ожидал такой неловкости. От него пахнуло разгорячённым телом, точно всё это время он бегом нёс брата на себе, но приятно как-то, просто мужчиной.

«Так, не теряй голову и подбери слюни! Ты здесь не за этим…» — дала себе мысленную оплеуху.

— Седмицу животом мучился, а сегодня с утра совсем занемог, — пристально щурясь, будто изо всех сил себя контролирует, чтобы не посмотреть на меня, ответил он.

«Седмицу? Это неделя?»

— Что ел в дороге? — почесала нос я.

— То же, что и я: хлеб, вода, вяленое козье мясо…

— Козье?! — мекнула Зоя и шарахнулась в другой угол избушки.

Паренёк издал душераздирающий стон и схватился за руку брата.

— Ты, говорят, сама всё видишь, вот и лечи! — раздражённо дёрнул подбородком старший в сторону корчащегося паренька.

«Ну-у, я попыталась быть ангелом! Сам напросился!» — надула щёки и наклонилась к парню.

Я с умным видом ощупала его плечи, грудь, живот – тот был каким-то плотным, напряжённым, будто камнями набит.

— Надеюсь, не чума напала? — фыркнула Зойка из угла. — Не хватало с собой домой принести…

«Хрен его знает, что с ним! Но нам свои шкурки спасать надо…» — взглядом послала мысль козе, выпрямилась и отвернулась к полкам со склянками.

— Та-ак, — протянула я и отошла подальше, спиной чувствуя на себе пронзительный взгляд старшего брата. — Посмотрим, что у меня есть… — и уже сквозь зубы прошептала в сторону Зои: — Знать бы, какую траву заварить, чтобы не отравить…

— Вот та на ромашку похожа, она ж безопасная? — встала коза на задние копыта и вздёрнула бородёнкой к дальней полке, где в склянке белые лепестки пестрили меж оранжевых серединок. — Дай и отправь подальше, типа, к дому живее живых будет.

— Ух ты, да ты умница! — усмехнулась я. — Ну, давай пробовать…

— Так что, спасёшь его или нет? — нетерпеливо, даже зло бросил старший.

— Зелье надо готовить, а оно спешки не любит! Не болтай под руку!— хмыкнула я, для убедительности грозно выкинув палец в его сторону, а мозг лихорадочно соображал, что сделать, чтобы всё срослось.

Паренёк снова громко вскрикнул, будто кто колол его изнутри, я с задумчивым прищуром вскинула бровь и отвернулась к печи.

Ёмкости с чистой водой нигде не заметила, а копаться по бутылям – только под подозрение себя поставить. Тогда взяла глиняную кружку и зачерпнула варево из того самого дымящегося котла. Повернулась к лавке и, посыпая парящий отвар белыми лепестками местной ромашки, взглядом посылая разряды знахарского чудодейства в сторону лежащего паренька, церемонно зашептала на «эльфийском» языке.

Зойка вытаращила глаза и отступила к двери.

— Ну ты актриса – я щас описаюсь!

Здоровый гость следил за мной так внимательно, тревожно, будто пытался понять: действительно ли знаю, что делаю.

Едва сдерживая нервную улыбку, я подала ему кружку и кивнула на паренька.

— Ну, пои! Глоток, вдох, два глотка, выдох – только в таком порядке, — добавила многозначительным тоном и отвернулась к Зойке.

«Трындец, что я делаю! Парня ни за что ни про что отравлю… Или не отравлю?»

Старший приподнял младшему голову и помог выпить отвара, исправно выполняя озвученные мной указания. С последним глотком парень неожиданно вырубился. Без стона, без звука, просто отключился.

— Анастас! — вскрикнул старший и, вскочив с лавки, опалил меня яростным взглядом.

«Капец котёнку!» — выругалась я мысленно, чувствуя, как жжёт глаза от напряжения.

— Охренеть! — выругалась коза и упёрлась задом в дверной косяк. — Помер, что ли? Смываться надо!

Я бросилась к парню, на секунду растерялась: «Нет! Никаких рот в рот! Кто знает, какая у него зараза!» — и приложила два пальца к шее. Пульс был и даже слишком сильный.

— Что с ним, отвечай?! — опасно навис надо мной старший.

«Ну, теперь точно играть до конца, иначе нам крышка!» — едва не описалась от страха и вскинула палец:

— Тихо! Это лечебный сон! Сядь рядом и читай молитву! — брякнула я и, угрожающе приподнявшись на цыпочках, прошипела ему в лицо: — Молитву хоть знаешь?

Старший растерянно моргнул, секунду колебался, а затем напряжённо сглотнул, отстранился и сел рядом с парнишкой. Он взял его за руку, приложился к ней лбом и закрыл глаза, шепча что-то нечленораздельное. Плечи были напряжены, желваки дёргались, а пальцы крепко сжимали руку брата – видно, что безмерно любит его. А тот лежал и не двигался.

— Мариш, пора бежать! — задрожал голос козы. — Морду кирпичом, и иди ко мне! Дверь подопрём снаружи и бежим! — перешла она на фальцет под конец.

— Некуда, — пошевелила губами я, на ватных ногах отходя к Зойке.

«Лес кругом, я полуголая, босая – далеко ли убежим? И Зойка – беспомощная коза, ёлки, да что ж такое?!»

Встала у порога, невидящим взглядом окинула непроходимый лес вокруг и припала виском к косяку.

«Господи, умоляю, этого просто не может быть… Это бред! Дай нам скорее проснуться!»

И вдруг за спиной так грохнуло, что я развернулась и вжалась обнажённой спиной в шершавый косяк, от боли аж искры из глаз посыпались. Зойка воткнулась рогами в стену рядом, ко мне боком и заблеяла не своим голосом.

А с лавки на меня, словно по горящим углям, с криком и бранью полетел тот, кого я уже похоронила. Парень вылетел из избушки, спотыкаясь и держась за живот, шмыгнул за дальние кусты.

— Что с ним?! — вытянулся старший брат и уставился на меня испуганными глазами, на дне которых уже плескалась решимость сделать со мной всё самое страшное. Но он дёрнулся, словно эта мысль ему претила, и выбежал следом. — Анастас?..

— Не подходи! — завизжал тот из-за кустов. — Матушка-природа… я нутро выплюну…

Старший брат остановился на полпути и, взволнованно положив руки на ремень, оглянулся.

— Зелье подействовало… — растянула пластиковую улыбку в ответ, а у самой так задрожали ноги, что если бы не Зойка, подпиравшая меня бочком, то уже сбила бы коленки о доски. Отвернулась к печи и с облегчением выдохнула: — Фух, живой, и слава богу…

Зойка вдруг отряхнулась и тоже выбежала на улицу.

— Зой, ты куда?! — испуганно крикнула я.

— Я по-о-смотрю, что с ним, не откинет ли копыта. Если что, знак дам, чтобы ты сбежать успела, — громко проблеяла она, ныряя в те же кусты, что и Анастас до неё.

«Спасительница…» — поморщилась мысленно и мазнула ладонью по липкому лбу.

Через несколько минут дикого ора и стонов, малоприличных звуков и пару ледяных взглядов старшего брата, обещающих лютую расправу, Зойка выскочила из-за куста, нервно отряхиваясь и странно перебирая копытами по траве, будто вытирая их:

— Фьяк! Какого чёрта я за ним полезла… Его там со всех сторон прополоскало. Духман такой, пол-леса вытравит! Но казнь отменяется!

— Ну всё, забирай брата и вези домой. Пару дней бульоном куриным корми, — с важным видом кивнула я на кусты: диета на все случаи жизни.

— Откуда ты знаешь, что помогло? — скептически нахмурился тот, но с его плеч заметно сошла прежняя скованность.

Я ткнула себе в лоб пальцем и хмыкнула:

— Третий глаз!

Тот с каменным лицом одёрнул жилет и живо направился к брату.

Наконец, он вышел из-за куста с Анастасом, повисшем на его плече, мокром, как мышь, от груди до колен, но самостоятельно перебирающим ногами.

— Что за отраву ты ему дала? — проворчал старший.

— Отраву?! — округлила глаза я. — Спасибо скажи!

Он лишь поморщился и помог брату взобраться на лошадь.

— Если ему хуже станет, тебе несдобровать! — предупредил угрожающе.

— Не сыпь угрозами, а то отменю действие зелья! — со злости проворчала я.

Тот лишь покосился в мою сторону с выражением «в своём ли ты уме» и сжал губы, будто изо всех сил держался не выдать грубости.

— Как мне теперь ехать?.. — заговорил Анастас тонким, мелодичным голосом – полная противоположность брату. — От меня же за версту несёт…

«Верста? Это что-то славянское? — оживились мысли, да тут же поникли: — Чем это нам поможет?»

— Две версты потерпи. Доедем до замка – отведу к королевскому травнику. Говорили ведь, что знахарка из ума выжила, — недовольно проворчал старший брат, запрыгнул в седло и послал мне последний обжигающий взгляд. — А может, она и не знахарка вовсе…

— Что?! — оскорбилась Зойка вместо меня. — Ну пронесло, но не помер же! Вон и стонать перестал…

Я попятилась к избушке и поморщилась:

— Может, и помрёт по дороге… Бежать нам надо, Зой. Срочно бежать!

Глава 4. «Парк юрского периода»

Зойка потрясла головой, будто надеясь сбросить рога, но, отчаявшись от отсутствия результата, фыркнула и оглянулась на избушку.

— Так, я в одну сторону, ты – в другую! Ищи портал, вдруг светится или дверь посреди леса стоит…

Я скептически оглянулась на козу.

— Ну мало ли, — дёрнула головой та и повернулась вправо.

Я пошла налево.

Избушка была небольшой с виду, как из сказки, разве что не на курьих ножках. Крыша покрыта мхом, из трубы идёт дымок – ещё немного, и баба-яга в ступе привидится. Вокруг дорожка протоптана да редкими камешками усыпана. На первый взгляд всё обычно, если бы не сама ситуация и лес вокруг, тихий, не родной, этим и жуткий до ужаса. Но никаких признаков чего-то магического: ни портала, ни норы, ни волшебного дупла не обнаружила.

— Н-да, зачем-то же мы сюда попали? Неужели потому, что я не хотела идти на защиту?

— Ты что там бубнишь? — спросила Зоя, выныривая из-за кустов с противоположной стороны избушки. — Я ничего не вижу, а ты?

— И я, — вздохнула и потёрла предплечья от нервного озноба. — Пойдём ещё избушку проверим. Не было времени толком осмотреться внутри.

Мы вошли в избу, обшарили все углы, постучали по стенам, по полу, заглянули во все подозрительные склянки – ничего.

— Мы же явно в каком-то ином мире. Нужно искать ведьму. Не иначе! — заключила Зоя. — Только есть хочу, аж живот к позвоночнику прилип!

— Ты же ведро пирожных съела на чёрный день? — усмехнулась я.

— Это я в то тело съела, а в этом – пусто! Ты посмотри, какая я тощая! Стыдоба, кости торчат! — возмутилась коза, доставая носом до выпирающихся задних бедренных костей.

— Зой, козы вроде травой питаются. Может, пощиплешь травки?

— Травки?! — разозлилась она.

— Ну прости, эклеров не обещаю. Холодильника тут нет, а одно зелье мы уже хлебнули по самое не могу, — развела руки я.

— Надо уходить, пока никто не явился и нас не загребли в тюрьму… или темницу, что у них тут.

— Как ни назови – всё хуже нашего, — вздохнула я и собрала волосы в гульку на макушке, закрепляя веточкой из цветущего веника.

— Но куда податься? Ещё одну избушку искать? Так и заблудиться недолго… Хотя, чего нам терять? — топая по избе взад-вперёд, размышляла Зойка. — Но тут точно нельзя оставаться: вдруг Анастасик этот помрёт по дороге – второй с нас шкуру спустит.

— Ну, если тут город рядом, — я почесала затылок, — ёлки, не помню, сколько это верста на километры переводится, то там легче затеряться, да и люди всё же – договоримся.

— Он говорил про королевского травника, тут, по ходу, король есть, значит, и всё вытекающее…

— И что вытекающее? — свела брови я.

— Ну, дворец, нищие, богатые, рабство – человеческая цивилизация, в общем, не в лучшем её развитии.

— Ох, ну, если мы понимаем их, думаю, можно найти общий язык. Главное – мимикрировать на местности. И одеться бы… — я растянула края дерюжки перед зеркалом. — А то видела, как этот на меня смотрел, будто я блудница Вавилонская?

— М-да-а! — протянула Зойка, заглядывая в зеркало, и я снова чуть не засмеялась от её непривычного говора. И смешно, и не по себе!

— Только во что одеться? Хозяйка эта голая, что ли, ходила?

— Погоди! — вытянула морду Зойка. — Я видела дерево, а на нём тряпьё висело. Пойдём! — и прыгнула за порог, как паркурщик.

С другой стороны избы и правда стояло развесистое дерево, на ветках которого висело подобие платья из разноцветных лоскутков, видно, постиранное недавно, а на двух сучках ниже – два плетёных лаптя.

Я стянула вещицу и скептически окинула её на вытянутых руках.

— И это одежда?!

— Другой нет. Надевай! — мекнула коза.

Это было даже не платье, а мешок из грубой ткани с прорезями для рук и бечёвка вместо пояса, правда, пахла травой и какими-то цветами.

— Сразу видно: бизнес у знахарки не шёл! — хохотнула Зойка, задрав голову и широко раскрыв рот.

— Хорошо тебе, у тебя своя, родная шёрстка, а мне эту дерюгу носить, — поморщилась я и притворно захныкала: — Где мои любимые джинсы и майка?

Хотя заплакать и правда хотелось, да только кто мне поможет, если я расклеюсь сейчас.

— Молчала бы уж, ты хоть на своих двоих ходишь.

— Прости, Зой. А я-то что поделать могу?

Я сбросила с себя одну дерюжку, надела другую. Но хоть ноги до щиколотки прикрыты, оверсайз, но с пояском сойдёт. Сняла лапти, примерила – размера моего, но жуть какие колючие. Тогда разорвала первую дерюжку, сложила ткань в виде стелек, надела, а длинными полосками перевязала лапти уже на ноге крест-накрест до самых коленей.

— Вау, даже бохо-шик[3]получился! — отозвалась модница-Зойка.

— А ничего так? — признала я, вернувшись к зеркалу. — Живенько…

— Ну, погнали! — снова выпрыгнула коза из избы и забила копытом по камню.

Мы прошли по дорожке из камней, пока они не кончились, и огляделись – дальше стоял плотный лес.

— А куда идти? — прижалась Зойка к бедру.

— Куда-куда, прямо в ту сторону, куда тот нахал поехал. Главное – не заблудиться… — кивнула я, помня направление.

— Главное – волков не встретить, — опасливо протянула Зоя.

Мы глубоко вдохнули для храбрости и устремились в чащу.

Первые минуты я ждала чего угодно: волков, разбойников, летающих ящеров – после внезапного попадания чёрт знает куда и говорящей козы фантазия уже не знала границ. Но лес оказался просто лесом, огромным, влажным, диким лесом не из нашей климатической зоны. Деревья здесь росли выше и гуще, а воздух пах сырой корой и листвой.

Шли долго, тяжело: ветки цеплялись за волосы, каждый шаг приходилось выверять, чтобы куда-нибудь не провалиться. От росы платье промокло и стало тяжёлым и холодным. По ощущению, прошли примерно километр, но никаких признаков цивилизации не наблюдалось: ни тропок, ни звука топора, как и признаков других жильцов в лесу, только белки шныряли по стволам, птицы перекликались в верхушках деревьев да мелкие ящерки юркали из-под ног. От переживаний и усталости меня начал одолевать голод. Но я привыкла себя ограничивать, а вот Зойка…

[3] Стиль бохо (сокращение от «богема») – это эклектичный стиль, вдохновлённый образом жизни свободомыслящих хиппи и кочевников. Объединяет в себе элементы этники, винтажа и цыганские мотивы.

— Я бы сейчас убила за пасту с трюфелями… — мрачно блеяла она, продираясь через траву – ей-то по макушку. — Или за стейк. Или за профитроль. Или хотя бы за сухарик…

— Я бы тоже от супчика не отказалась, — улыбнулась, отмахиваясь от мошек.

Зоя ворчала на каждую травинку и камешек, что попадались под копыта и как-то странно оттопыривала задние ноги, будто ей вымя мешало. Но чем я могла ей помочь? Я даже спросить не решалась: и так она в шоке. А у меня… где-то под тревогой и голодом шевелилось ещё одно чувство – болезненная лёгкость. Рюкзак за спиной, набитый булыжниками прежней жизни, вдруг опустел. Исчезли звонки родителей, вечные ожидания, чужие правила, бесконечные мысли о будущем… но почему-то я чувствовала ещё большую ответственность…

Очень хотелось вернуться домой, к благам цивилизации, к привычному окружению, потому что там хотя бы понятно, как устроен мир, по каким законам живём. А здесь… Здесь полная неизвестность, и судить о местных только по двум их представителям я не могла. Но в приоритете – вернуть Зойку в человеческое обличье. В этом теле она беспомощна.

«А вдруг здесь совсем не так, как я себе представляю? Вдруг я окажусь враждебной чужачкой, а Зойку уведут на верёвке в чей-нибудь сарай, и я ничем не смогу ей помочь? Вдруг выхода отсюда нет?»

По спине пробежал холодок, даже волосы на затылке встали дыбом.

— Бр-р! — вздрогнула я и отмахнулась от последних мыслей.

— Ты чего? — оглянулась Зойка, настороженно дёрнув ушами.

— Да что-то озноб пробрал, платье отсырело, без белья сквозит, — натянуто улыбнулась я: не хватало ещё напугать бедняжку-подругу.

— М-м… — протянула та, поглядывая по сторонам и приседая от каждого шелеста крыльев или треска.

Мы миновали ключ, вода бежала между камней такая прозрачная, что видно было каждую песчинку на дне. Пить хотелось ужасно, но мы не осмелились, пока через несколько шагов у нового источника не заметили крохотного ёжика. Он деловито пил, смешно шевеля носиком.

Тут и мы с Зоей приложились к зеркалу воды губами. Вода была необыкновенно вкусной – надули животы, но голод это не уняло – желудок недовольно заворчал, требуя чего-то более существенного.

Устав продираться через высокую траву, обходить бурелом и колючие кусты, едва не потеряв направление, мы остановились у бревна на прогалине. Я села и, откинувшись на вытянутых руках, подняла лицо к клочку голубого неба и зажмурилась. Зойка примостилась в паре шагов на пушистой траве. Мы несколько минут сидели молча.

Я грелась на солнце, разминала ноги не столько от длительного похода, сколько от неровного шага по пружинистой земле, и морально готовилась к будущему, хотя воображение активно сбивало с толку.

— А красиво здесь и свежо, правда? Воздух какой-то другой, чувствуешь? — заговорила я, чтобы подбодрить и себя, и подругу.

Но Зоя молчала. Я открыла глаза и резко огляделась, потому что её рядом не было. Но коза стояла чуть поодаль на солнечном пятачке и, ловко срывая тонкие стебли травы пушистыми губами, с блаженным видом пережёвывала их.

— Зой? — опасливо приподнялась я.

— М-м, вкусно! — протянула та.

И я села обратно: всё-таки здесь она коза.

«Отлично, хоть она с голоду не умрёт… — успокоилась я. — А мне что пожевать? Ладно, золотинка, у тебя руки и язык есть, дойдём до цивилизации, разберёмся!»

Зойка ещё немного пожевала, а поймав мой улыбающийся взгляд, вдруг выпучила глаза и вытянулась струной:

— Чума! Я что, траву ем?!

— Приятного аппетита! Думаю, тебе не стоит этого бояться!

Коза нервно помотала головой и задумчиво поморгала.

— А вообще, ничего так…

— Ну вот и славно! — поднялась я и погладила её по спинке. — Пойдём! Мне тоже нужна заправка!

Ещё через полчаса лес начал редеть, склон становился всё круче.

Впереди между деревьями впервые показались пустоты, а в них я рассмотрела тропку вниз к началу какого-то поселения.

Мы переглянулись и одновременно замедлили шаг, а потом осторожно присели под кустом орешника, наблюдая за открывшейся картиной.

В широкой долине меж небольших холмов раскинулся типичный средневековый город, но с явным уклоном на нечто европейское, а не славянское. Окраина выглядела деревенькой с деревянными домами в неком баварском стиле. Дороги – ожидаемо – земля, присыпанная камнями, по ним передвигались повозки, запряжённые лошадьми, или люди верхом.

Ближе к центру города виднелись более ухоженные дома под рыжими черепичными крышами, с высокими дымовыми трубами, с окнами со ставнями. А вдалеке на возвышении громоздился замок с синими башнями, шпилями и неизвестными флагами… И ничего, напоминающего о современном мире.

— О, да тут целый муравейник, — прошептала я.

— И это столица? — хмыкнула Зойка. — М-да, что тут за динозавры живут?

Я зажмурилась на мгновение, поднялась, оправила поясок, волосы у лица и выдохнула:

— Ну, пойдём, выясним, что это за парк юрского периода.

От автора

С необыкновенным удовольствием представляю вам мой фэнтезийный мини-сериал с приключениями и романтикой. Каждая страничка пропитана характером героев, юмором и атмосферой альтернативного мира. Я впервые написала юмористическое фэнтези, и, по-моему, получилось чудесно! Эта история очень дорога мне, надеюсь, и вас она впечатлит.

Все упоминания Средневековья, отсылки к эпохе Просвещения и прочие исторические совпадения в этой книге – исключительно плод фантазии.

Это альтернативный мир, где Европа и Русь решили объединиться, не спросив историков. Поэтому местные государства, нравы, традиции и прочие странности не имеют целью соответствовать реальной истории, хотя кое-что и может показаться знакомым.

Историков, знатоков эпохи и всех, кто способен с ходу заметить, что «так быть не могло», прошу отнестись к этому снисходительно. Здесь вообще многое «так быть не могло» – и именно поэтому оно здесь есть.

Приятного путешествия в удивительный мир фантазии!

Глава 5. Из Питера в Петерград

Мы с Зойкой медленно спустились по склону, едва не скатываясь по гравию носом вперёд, и вышли к первым дворам за низкими, местами покосившимися заборчиками.

По затылку разгулялись мурашки: это не декорация и не исторический фестиваль, а самый настоящий живой город с глиняными и каменными домами и жителями в одежде, которую раньше я видела только в исторических фильмах.

Женщины-крестьянки – в длинных платьях с фартуками и чепцами, в матерчатых ботинках или тапках, мужчины – в рубахах, заправленных в штаны с толстыми ремнями, на которых болтались кожаные мешочки или какие-то инструменты.

— Мариш, мы в Диснейленде? — тихо проблеяла Зойка, прижимаясь ко мне боком.

Я, продолжая черпать лаптями дорожную пыль, смотрела перед собой и молчала. Что тут скажешь?

Неожиданно нас обогнали двое мужчин верхом, на ремнях у обоих висели самые настоящие мечи.

«На крестоносцев не похожи, значит, перспектива выжить есть», — подумала я, а у самой комок в горле застрял.

Всадники вдруг придержали лошадей. Один оглянулся и растянул сальную беззубую улыбку. Меня аж перекосило. Он хлопнул второго по плечу, что-то шепнул ему, и теперь оба пялились на меня дольше принятых приличий.

— Эй, красава! — крикнул беззубый. — Ты чья будешь?

Я мигом присела к козе, будто за ней меня не видно, обняла её и уткнулась лбом в живот. Вроде и ничего страшного, просто подкат по-сельски, но как-то неспокойно на душе, аж потряхивало.

— Ты чего, Мариш? — и сама подрагивая, затопталась Зойка. — А-а, это он нам?!

— Тише, Зой, дай минутку в себя прийти…

— Как такую красаву зовут? — не унимался мужлан, уже разворачивая лошадь в нашу сторону.

Зойка, хоть и тряслась, но воинственно вытянулась и так сердито заблеяла, что лошади нервно дёрнулись.

— Пойдём отсюда, — поднялась я и чуть ли не бегом свернула в проулок.

— Куда ж ты, красава? — засмеялся другой под топот копыт Зойки следом.

— О, розовая коза! — неожиданно визгнул ребёнок, сидящий на спине дородной женщины, преградившей нам дорогу между заборами.

— Кажется, местные ещё не готовы к колорированию, — мрачно заметила Зойка и спряталась за мою юбку.

Ирония иронией, но смеяться не хотелось. Женщина разглядывала меня так, будто русалку увидела, а на лапти в стиле бохо и вообще выкатила глаза.

Я учтиво поклонилась, осторожно обошла её, чуть не споткнулась об неожиданно ползущего ёжика, и двинулась дальше.

Из открытых окон тянуло кислым тестом и тушёной капустой – мало приятно, но под ложечкой засосало. Где-то ругались мужики, где-то визжали поросята, женщины, полоскающие бельё у колодца, жаловались, что ночью кто-то украл кур. А когда мы прошли мимо, они покосились так, будто привидение увидели.

Я инстинктивно поправила свою дерюжку: в местную моду она не вписывалась, и продолжала дружелюбно кланяться всем, кто бросал на меня взгляд.

— Это платье их так смущает или со мной что-то не так? — сквозь зубы спросила я.

— Ну… платье оторви и выбрось, но среди них ты реально королевишна, — заметила Зоя. — Страшненькие тут бабёнки-то…

Я тут же вытянула веточку из гульки и пальцами напустила волосы на лицо, чтобы меньше видно было.

Мы вышли на другую улицу, не особо отличающуюся от прежней, и меня едва не снёс мужик с серпом в руках, который гнался за мальчишкой с криком:

— Поймаю, негодник, руки отрублю!

— Господи… — выдохнула я, воткнувшись спиной в столб у чьих-то ворот, и прижала ладонь к груди.

— Куда мы вообще попали? — нервно заблеяла Зоя, сторонясь шмыгнувшего под забор ёжика. — Это прошлое? Я, конечно, тот ещё знаток истории, но почему у меня ощущение, что нас сейчас либо сожгут, либо закидают камнями?

— Без общения с местными не обойтись. Не будем медлить, — пробормотала я и повернулась в сторону мужчины в соломенной шляпе, что вёз тележку с лепёшками. — Только помалкивай, откуда мы и кто.

— Да я-то что? — усмехнулась подруга. — Меня всё равно никто не слышит.

— А вдруг!

Мы подошли к тележке. Запах от свежеиспечённых лепёшек стоял такой, что я чуть слюной не подавилась. Но как только мужчина сдвинул шляпу, чтобы разглядеть, кто подошёл, тут же подобрался, глаза сверкнули и чуть ли не ощупали меня:

— Красава, лепёшкой угостить? — липким тоном протянул он.

— Я за тебя боюсь, — ткнулась в бедро Зойка, враждебно косясь на мужчину. — Пойдём дальше…

Я мотнула тому головой «нет», и мы, спотыкаясь, скользнули в новый проулок.

Через пару домов показался широкий сарай с добротной каменной печью и навесом. Оттуда раздавался звон металла. Жар от печи чувствовался даже на подходе.

— Кажется, кузня, — с облегчением выдохнула я. — И вроде кузнец дед. Давай к нему, старики обычно менее опасные…

— Это как сказать, — протянула Зойка, помня, что к ней постоянно липли мужчины в возрасте.

— Уважаемый… — обратилась я.

Но к нам обернулся вовсе не дед, а здоровенный мужик: потный, заросший по самые глаза, загорелый или просто грязный – сразу не поймёшь. Рубаха была распахнута почти до живота, кожаный фартук весь в саже, а по груди, заросшей густыми волосами, медленно стекали струйки пота.

Увидев меня, кузнец застыл с молотом в руке, медленным взглядом прошёлся по моей фигурке, волосам и только потом вернулся к лицу. Он даже живот втянул.

— Фьяк! — задёргала носом Зойка. — Не подходи близко, и этот сейчас брачные танцы начнёт.

— Сейчас быстро спросим и уйдём, — шикнула я и растянула вежливую улыбку. — Простите, уважаемый, а не подскажете ли, как называется ваш город?

Кузнец смотрел пристально, не моргая, будто перед ним нечто несусветное стоит, а потом почесал пальцами-сардельками густую макушку и быстро вытер губы ладонью.

— Э-э… а ты чья будешь, красава?

«И этот туда же! У них тут что, нерест начался? — мысленно проворчала я. — Но не бегать же от каждого!»

— Мы не местные, — чуть ссутулилась я, осторожно делая шаг назад. — Тут раньше вроде хутор был…

— Ху-тор? — повторил тот, пробуя слово на вкус, но глаза так и липли ко мне.

— Ну, деревня… — исправилась я, понимая, что слово для него неизвестное, и состряпала невинную улыбку в ожидании ответа.

— А-а, дак раньше назывались Варавкой, а как столицу сюды перенесли, так Петерградом величать стали.

«Варавка? Петерград? Это где такое?» — переглянулись мы с Зоей.

— О-о, значит, туда пришли, — кивнула я, намекая козе отступать.

Мужик вдруг шагнул ближе, опёрся локтем на столб навеса и погладил чёрную окладистую бороду.

— А ты откудова такая хорошечная будешь? — и расплылся в масляной улыбке.

— Марин, у него сейчас слюна закапает, — шумно засопела Зойка.

Я натянуто улыбнулась, чувствуя, как между лопаток поползли мурашки.

— Да-а оттудова, — нервно махнула рукой в неопределённую сторону и попятилась.

— Не жениха ли ищешь? — прищурился тот, как кот на сливки, и отбросил молот к наковальне.

— Да что вы, у меня здесь тётушка живёт, — выпалила я. — Вот иду к ней…

— Давай провожу… Такую кралю одну отпускать нельзя… — гортанно засмеялся кузнец, почёсывая потную подмышку.

Зойка издала страдальческое «ме-е-е».

— Ой, что вы, что вы… — попятилась я, продолжая улыбаться так усердно, что уже сводило щёки. — О-о, а вот и она! — и выбросила палец в сторону первой попавшейся старушки, переходившей канаву по мостику.

И мы с козой почти бегом рванули к ней.

— Да не неси-и-ись ты так, — чуть задыхаясь, блеяла подруга. — У меня между ног так раздуло, что я бежать не могу…

— У меня пятки горят! — бросила я, оглядываясь, не бежит ли за нами кузнец.

И вдруг под ноги кто-то шмыгнул. Краем глаза заметила крупного ежа, инстинкт сработал раньше головы – шарахнулась в сторону, споткнулась и на вытянутых руках угодила в канаву прямо перед старушкой.

— Ма-ари-ина-а! — закричала Зойка.

Меня тряхнуло о землю так, что в глазах потемнело. Я лежала, считала звёздочки, а сверху склонилась седая голова в сером чепце.

— Ой, девонька, да куда ж ты летишь-то? — всплеснула руками старушка. — А ну, вылазь, нечаво в канаве валяться.

Канавка оказалась мелкой, сухой, но приложило меня знатно. Зоя скакала по краю с выпученными глазами, не зная, чем помочь.

— А ну, брысь… — проворчала старушка на козу и протянула мне руку.

Я охнула, потёрла лоб и, мало соображая, ухватилась за неё.

Я-то метр шестьдесят, а бабка – метр с чепцом, сухонькая, к земле гнётся, а дёрнула так ловко, что я живо выкарабкалась на другую сторону канавы.

Зойка, видать, от испуга тряхнула рогами и плюхнулась на хвост.

— Спасибо, тётушка… — простонала я, потирая колено и морщась в сторону запоздало бегущего кузнеца. — О-о, только не он!

— А ну я щас тебе!.. — тут же вскочила Зоя рогами вперёд и заблеяла во всё горло.

Старушка оглянулась и строго махнула мужику рукой:

— А ну стой, Лех! Девоньке в себя прийти надобно. Потом ужо женихаться будешь.

Кузнец насупился, как дитё малое, и нехотя поплёлся обратно.

Я проводила его взглядом и, отряхивая тряпьё от пыли, проворчала:

— Чего тут на меня все кидаются, как собаки на кость?

— Дак диковинка ты тут, — хмыкнула старушка. — А таких молодух у нас быстро разбирают.

— Мне сейчас точно не до свадьбы, — криво улыбнулась я. — Я сказала ему, что вы моя тётушка… Уж извините, а то не отстал бы…

— Ну дак зови меня тётушкой Уршулей, — и старушка добродушно похлопала меня по плечу тяжёлой рукой. — Тебя-то как величать?

— Марина…

— И имя диковинное, — задумчиво поводила глазами новая знакомая. — Ну пойдём ужо, водицы дам.

«Водицы… я бы и слона съела…» — горестно вздохнула я, подобралась и пошла за старушкой. Зойка потопала следом, воинственно оглядываясь.

— Давно ль в пути, девонька? — косясь из-под чепца проницательными серыми глазами, спросила старушка.

Мы с Зойкой переглянулись, по-моему, у обеих мелькнула одна мысль: «Ведьма!» Но я настороженно спросила:

— Откуда знаете?

— Дак сразу видно – неместная, вона и лапти у тебя чудны́е: таких тут не вяжут.

— Я за тем лесом жила, — махнула в сторону леса.

— И коза у тебя чудна́я, — добродушно улыбнулась она, заглядывая мне за спину.

— Меня теперь все из-за розовой чёлки гнобить будут? — возмутилась Зоя и обиженно выпятила нижнюю губу. — Ни черта в моде не разбираются!

— О-о, это она в лесу в цветущий куст мордой влезла, а пыльца та крепкая, надолго пристала, — растянула правдоподобную улыбку я, хотя и расстроилась: «Заключение бабки логичное, значит, просто мудрая?»

Старушка, конечно, выглядела аутентично: меховой жилет из какого-то чебурашки, потрёпанный спереди и протёртый от старости подол юбки, выцветшие платки, слоями повязанные на поясницу, на ней же мешочки на завязках, может, со снадобьями.

«Может, такие они – ведьмы? Необязательно же нос крючком…»

Уршуля привела нас во двор. Дом был чуть обшарпанным, но ухоженным: украшен обожжёнными рейками и горшками цветов, свисающими с подоконников, пёстрые занавески.

У колодца под развесистым деревцем за столом, болтая ногами, сидели два ребятёнка от силы трёх-четырёх лет и лепили что-то из серого теста. Рядом молодая женщина ловко шинковала крупный кочан капусты и складывала в бочку.

— Эльза, дай гостюшке водицы, — велела Уршуля и устало примостилась на край лавки.

Женщина молча кивнула, зачерпнула ковшом воды из кадки и подала мне.

Я пила так жадно, что едва не захлебнулась, но опомнилась и попросила ещё для Зои. На козу, шумно засопевшую над ковшом, покосились все.

«Ох, бедная Зоя…» — в очередной раз вздохнула я, почему-то чувствуя себя виноватой перед ней.

— Тётушка… — начала я, но в животе так забурлило, что даже Зойка задрала голову.

— Ты, слышу, голодная? — усмехнулась Уршуля.

— Простите, — неловко прижала ладонь к животу. — Долго добирались, по дороге и поесть нечего было…

— Нечего?! — ещё больше стали глаза старушки, а потом она уставилась на Зойку. — А чаво ж ты козу-то не подоила? Вона как вымя распёрло – мучается животина.

Зоя выпучила глаза и повернула ко мне морду:

— Марина… даже не думай…

— Да я и не умею… — смутилась я, покосившись на её вымя: «Вон оно что – из-за него ей ходить трудно…»

— Откуда ж ты такая неумёха? — добродушно пожурила старушка. — А нук дай помогу…

Не успела я рта раскрыть, как Уршуля ухватила козу за рога, приткнула боком к колодцу и принялась доить в ковш.

— Молочко, молочко! — заголосили дети.

Зоя застыла с вытаращенными глазами, даже голову не повернула. С ужасом и с морозом по коже глядя на процесс дойки, я чувствовала беспомощность и вину перед подругой, представить себе не могла, что чувствует она.

Через несколько минут Уршуля довольно отхлебнула молока и протянула ковш мне:

— Жирненькое, сладкое! Поешь, девонька…

От одного представления, что буду пить Зойкино молоко, скрутило живот. Зойка продолжала стоять, как пришибленная, даже не моргала.

— Спасибо, я на безлактозной диете… — выдавила с натянутой улыбкой.

— Чаво? — вскинула седые брови Уршуля.

— В смысле, от молока мне плохо, — опомнилась я.

— Вона как… Тогда гуляшом угощу. Эльза, неси девоньке миску, а молочко внучаты выпьют, — улыбнулась Уршуля и кликнула детей.

Детки тут же облепили ковш и довольно зачмокали по очереди.

Зойка тихо сползла вдоль колодца и уткнулась мордой в свой живот. От её беспомощного вида мне хотелось провалиться сквозь землю.

Уршуля снова присела на край скамьи и радостно покачала головой:

— Давно у нас не было молока. Но Матушка-природа в этом месяце щедра, — и кивнула на бочку. — Народила капусты.

Эльза вынесла большую миску с ложкой и поставила передо мной, поклонилась и жестом пригласила за стол.

— Она не говорит? — поинтересовалась я, садясь на лавку.

— С детства молчит. Муж пропал, вот с внуками у меня и живёт, — поделилась старушка. Эльза лишь кротко улыбнулась и снова принялась за работу.

Я подвинула к себе миску с подозрительным месивом, от которого пахло топлёным салом и кислой капустой, меж шкварок плавало что-то вроде расквашенного теста.

«Ёлки, калорий, наверное, тьма, — поморщила носом я. Выглядело это неаппетитно и пахло непередаваемо, но делать было нечего. — Не с голоду же умирать. Раз они это едят, значит, съедобно…»

— Ешь, чаво сидишь? — подбодрила Уршуля. — Матушка-природа не любит, когда от её даров нос воротят.

— Матушка-природа? — жалобно улыбнулась я, подковыривая вилкой рыхлую макаронину.

— Мы каждые три дня на заветную поляну ходим, Святой ежихе молимся, посланнице Матушки.

— Ежихе?! — вскинула брови и посмотрела, как там Зоя. Та сидела в том же ступоре и лишь шевелила ушами.

— Да, они у нас хранители, от Матушки-природы посланные… А в твоей деревне-то кто хранитель?

Я задумчиво вытянула губы в трубочку и снова покосилась на Зойку.

— А-а, козы? — догадливо закивала Уршуля. — У сестрицы моей в Бограде лисы помогают, а тута на окраине – ежи, на другой стороне реки – еноты… У всех свои защитники от Матушки…

Я медленно ковыряла капусту, глотала не жуя, и пыталась осмыслить услышанное: «Это очень странное прошлое… По истории у меня твёрдая «четыре», но что-то не припомню такого

верования. Ежи-защитники? От кого, от мышей и насекомых? Тотемные животные? Что-то вроде язычества у них тут?»

Спрашивать о роли Матушки-природы не решилась, чтобы не выдать себя, и постаралась не огорчать старушку недоеденным угощением, давилась, но ела: кто знал, когда ещё поесть удастся.

Не наевшись, а облопавшись, я запила кислый вкус водой и заключила:

— Значит, и магия у вас есть?

— Чаво? — оглянулась старушка.

— Ну… ведьмы, колдовство? — развела руками я.

Уршуля посмотрела на меня, как на умалишённую, и качнула головой:

— Умом ли ты не тронулась, когда в канаву-то падала?

«Ну… может, и тронулась, — сжала губы и посмотрела на Зою. — Но говорящих коз точно не бывает!»

— Тьфу на тебя! Каки-таки ведьмы? — рассмеялась Уршуля. — Неуч, что ль?

— Э-э, да так… поговаривали… — вздохнула смущённо, чувствуя, как тухнет надежда.

— Ведьмов-то нет… А знахарка в Черском лесу живёт. Говорят, такие хвори лечит, какие никто понять не может. Но то ж Матушка-природа наделила… Какое ж тут колдовство?

Я аж вытянулась: то ли надежда в животе заискрила, или то мои бифидобактерии взбунтовались от двухсотлетнего сала. У торца стола тут же показались рога Зойки.

Я быстро подалась вперёд:

— А где этот лес?

— Дак ты оттудова и пришла. Другого-то пути в Петерград нету.

— По ходу, она про тебя и говорит, — впервые после дойки подала голос Зоя.

— Да, но я не знахарка! — сердито хлопнула себя ладонью по колену. «Что ж такое, мы появились, а знахарка исчезла?»

Уршуля удивлённо отклонилась.

— А ты-то причём?

Только тут до меня дошло, что надо попридержать язык. Зойка села на хвост и невинно уставилась в небо.

— А других знахарок у вас нет? Может, слышали что?

— А тебе на что? С виду здоровая девонька.

— С виду… — шмыгнула носом я и опустила глаза.

Уршуля помяла губы, задумчиво поглядела на меня сверху вниз и ответила:

— Про других ничего не слыхала… Хотя поговаривали, что есть у той сестрица, в один день у мамки рождённые, да где-то далече…

— А кто знает? — снова оживилась я.

Но старушка только пожала плечами. Я с досадой вздохнула.

Неожиданно с неба упали тёплые капли.

— Ох ты ж, а ну в дом, не то промокнем, — поторопила всех Уршуля.

Я накрыла голову ладонями и, кинувшись к двери дома, крикнула:

— Зой, бежим!

Старушка оглянулась, недоумевая, кого я зову, а когда увидела, что коза юркнула в дверь быстрее детей, возмущённо проворчала:

— Куда козу-то?!

— Тётушка Уршуля, умоляю, пусть она со мной… Она домашняя, она хорошая! — затараторила я, мысленно молясь, чтобы Зойка не насыпала тут кучку гороха.

Уршуля с сомнением покосилась на козу, на меня, умоляющую всем своим видом, даже ладошки у груди сложила, и нехотя кивнула:

— Ладно уж, пусть под лавкой сядет, а я Эльзе помогу…

Дети убежали в соседнюю комнату. Я положила ладонь на голову Зои и огляделась. Маленькие уютные комнатки, допотопная деревянная мебель, вязаные половики, печь с лежанкой – всё, как в довоенном кино.

— Нужно искать ведьму! — решительно вздохнула я. — Уверена, она существует!

— Это попадалово-о-о… — простонала Зойка.

Я живо присела к подруге.

— Вывернемся, пышка! Мы с тобой и не из такого выворачивались… — и ласково потрепала её по мордашке, а у самой жгло в уголках глаз.

— Не из такого?! — округлила и без того огромные глаза коза. — Такого у нас точно не было!

— Такого не было, ну и что? Когда ты теряла боевой дух?

— Не тогда, когда вместо туфель у меня копыта, а между ног – грудь десятого размера!

Я нервно усмехнулась.

— Зой, это просто страшный квест, и мы его пройдём! Соберёмся с силами и пройдём. Я уверена! — скрестила руки на груди и впилась ногтями в локти, чтобы Зоя не заметила, как меня потряхивает.

— О-о… — протянула она, отвернулась и забилась под лавку.

Пока дождь барабанил по крыше, Уршуля рассказала про Петерград, как им живётся в новой столице, что королева щадит с налогами, даже обещает к концу осени хорошие дороги на окраине, ведь Варавка за несколько лет выросла, как на дрожжах, превратилась в процветающий город. Но я слушала вполуха: после еды разморило, голова гудела от всего пережитого.

Когда Уршуля перешла к расспросам обо мне, я пожаловалась, что здесь меня никто не ждёт, надо искать жильё, работу и обязательно сильную знахарку, чтобы излечиться от «неведомой хвори». Старушка даже расчувствовалась и села у окна молиться за меня.

Я подслушивала и понимала, что молятся здесь вовсе не христианскому богу, а скорее силам природы, которую называют Матушкой.

Дождь лил до вечера. Ночь наступила быстро, густая, непроглядная, даже в окно было жутко смотреть. Что нам было делать, куда податься, если в лесу оставаться не вариант – ни еды, ни безопасности, а тут и за порог страшно ступить – вдруг украдут. Но в небе отражались огни центра города, где, по словам Уршули, всегда горело множество масляных фонарей.

В голову не приходило ни одного решения: ни умного, ни глупого, но я и устала, и натерпелась за день. Нужно было отдохнуть.

Уршуля накормила меня лепёшкой, принесла травы Зое, но у той не было аппетита, она весь вечер просидела притихшей. В доме было всего две комнаты, но хозяйка щедро разрешила нам переночевать на чердаке.

— За день там хорошо нагревается, и лежак на травах сон нагонит, — заботливо проговорила она, подавая тонкое лоскутное покрывальце. — Завтра уж будет новый день, новые заботы.

— Спасибо вам огромное, тётушка Уршуля…

Я растроганно обняла старушку, от чего у неё глаза повлажнели.

На чердак вела крутая стремянка. Для Зойки это было очередное испытание, но я попыталась её ухватить удобнее и забралась на первую ступеньку.

— Да куда ж ты козу-то тянешь? — поразилась Уршуля.

— Не бросай меня-а-а! — жалобно заблеяла Зойка.

— Да тише ты… уроню… Тётушка, она одна не может: мы с детства вместе спим, она всю ночь орать будет, как оглашенная. Так что лучше ей со мной.

— Ты гляди, какая чудна́я животина, — покачала головой Уршуля, но смиренно махнула рукой.

Кое-как я втащила Зойку на чердак. Уршуля подала свечу и попрощалась.

Здесь действительно было тепло, пахло травой так густо, что запершило в горле. Я распахнула оба окна, что были напротив друг друга, и замерла у того, что смотрело на город. Зойка встала рядом и прислонилась головой к моему бедру.

— Ну ты как? — погладила её по спинке.

— Морально в шоке, но физически, честно говоря, как мешок с камнями отвалился, — призналась она.

Я тоскливо глянула на далёкие огни замка и вздохнула:

— Я очень надеюсь, что завтра будет хороший день!

— Без вариантов, иначе я здесь всё разнесу! — фыркнула подруга. — Это же надо: я – коза, и меня доили!

Я закрыла окна, сняла лапти и упала на лежак из соломы, да чуть бока не отбила и закашлялась от поднявшейся травяной пыли. Лежак был слишком колючим, поэтому легла, не снимая платья. Зоя легла рядом, и я укрыла нас покрывальцем.

Я вертелась ещё минут пять, пока размяла боками колючие бугорки лежака, и затихла, пригревшись.

Голова раскалывалась, спина и ноги ныли, хотелось отключиться, но боялась заснуть и снова проснуться здесь, боялась, что выхода нет, что Зойка навсегда останется козой… Каждая следующая мысль в гнетущей тишине ночи жалила безысходностью. А тут ещё и Зойка вся извертелась, нет-нет да и пиная меня не мягкими копытцами.

— Зой, хватит дёргаться! Выспаться надо, завтра нужна свежая голова…

— У меня шок, мне всё можно… — проворчала та и снова заелозила.

— Ты никогда такой беспокойной не была.

— Кажется, у меня вши, — проворчала она и куснула себя за бок.

— Это просто нервы. Подыши по квадрату…

— Ага, ещё скажи встать в позу собаки мордой вниз! — раздражённо мекнула она.

— Не ворчи… Просто попробуй расслабиться, — умоляюще протянула я.

— Да пробую я…

Похоже, мне самой стоило подышать по квадрату.

«Столько всего и как это пережить?» — думала я, вдыхая и выдыхая цикл за циклом.

И наконец, под скрип старого дома и глухие ночные звуки за пределами чердака я сбилась со счёта и будто провалилась в вязкую темноту.

Глава 6. Драпать со всех лаптей

Я подскочила от дикого ора. Что-то укололо в бок, я дёрнулась в сторону… и скатилась с лежака под окно.

— О-о-й! — застонала, потирая бок, и зажмурилась от полоски солнца, бьющего прямо в лицо. — Уже утро? А спала же, как обухом прибитая…

Оглядевшись, с досадой уронила голову и умыла лицо ладонями: «Я так надеялась, что это страшный сон…»

— М-е-е… — раздалось тихое за спиной.

Я оглянулась. Коза… то есть Зоя лежала на спине, раскинув копыта в разные стороны.

— Звезда, ёлки! — вздохнула мрачно и подползла к окну во двор. — Петухи, заразы…

Но едва поднялась на полусогнутых ногах, как влепилась носом в стекло.

— Трындец! — прошипела я и кинулась к лежаку. — Зойка, подъём! Нам надо драпать со всех лаптей!

— Что там тако-о-е? — вытянула копытца столбиком подруга, пока я судорожно перевязывала лапти лентами.

— Похоже, Анастасик наш кони двинул! — прошептала я и поморщилась от укола вины: «Господи, прости, я не хотела, честно!»

Зойка в ступоре поводила глазами по потолку, а потом вскочила разом на четыре копыта и метнулась к окну:

— Да ну!

— Как он нас нашёл?! — подтянулась и я, разглядывая высокого красавца на чёрной лошади. Теперь его внешность выглядела угрожающе.

— Так деревня же! А ты вон чуть ли не невестой уже прослыла! Или эта, Шуршуля, мать её, наверное, языком растрепала…

И мы обе, охнув, рухнули на пол, потому что старушка кивнула на чердак, а мужчина посмотрел прямо в наше окно.

— Ну всё – нам крышка! Вылезаем в другое окно… а там огородами в лес… — прошептала я, наспех собирая волосы в гульку.

— Ты-то вылезешь, а у меня парашюта нет! — заныла Зойка. — Копыта переломаю!

— Там куча сена под окном – вчера видела. Мягко приземлишься, — шикнула я и, подобрав подол платья, кинулась к противоположному оконцу.

Кое-как протиснула таз в окно и плюхнулась в огромную кучу сена, благо всего метра два лететь. Следом выскочила Зойка и утонула в траве.

Приземлиться-то мы приземлились, но едва отвернулась от козы, барахтающейся за спиной, как тут же встретилась взглядом с грозным красавцем и Уршулей, удивлённо хлопающей глазами.

Мужчина холодно прищурился – ну точно, крышка! – и скрестил руки на груди.

Я согнулась в три погибели, быстро взлохматила волосы у лица и, опустив голову, потёрла лодыжку, исколотую сеном: «Не узнай меня! Не узнай!»

— О-о, Маринушка, да чаво ж ты по стремянке не спустилась? А тут к тебе господин пожаловал…

Я покосилась сквозь волосы на «господина».

«Чистенький, но в коже, как охотник. Такие у них тут дворяне?»

Тот с неподвижным лицом окинул мои обнажённые задравшимся по колено платьем ноги, – вид оценил, особенно приглянулись лапти с лентой вокруг икр, и, чуть вскинув подбородок, снова отвёл взгляд, будто смотреть на меня – себя не уважать.

— Полагаю, вы уже одеты? — произнёс он каким-то слишком уж деловым тоном.

«А-а, у них, наверное, на казнь голыми не ведут…» — посыпались панические мысли, аж в жар бросило.

— Вы меня с кем-то перепутали? — сбивчиво затараторила я, меняя тембр голоса.

Но тут Зойка, выпрыгнула из сена, отряхнулась и, задрав хвост, встала в боевую позу перед мужчиной:

— Я его отвлеку, а ты беги!

Мы одновременно бросили взгляд на её розовое недоразумение между рогами, и я поняла: спалились!

— У меня прекрасная память… да и коза у вас уж больно примечательная, — тут же подтвердил он мои опасения.

«Ну капец! Попасться из-за проклятой чёлки! — едва не хлопнула себя по лбу. — Стоп! Копья не мечет, смотрит снисходительно… А я помню, какой он в гневе… Что ему надо?»

— А кто вы такой, собственно? — поубавила тон, но напряжения в теле не ослабила, чтобы сорваться на бег в любую минуту.

Тот сунул большие пальцы за широкий пояс брюк и чинно склонил голову, не слишком низко, чтобы перед какой-то знахаркой не расшаркиваться, но и не без учтивости, присущей его очевидному статусу:

— Петер Варгонский, личный помощник её величества…

«Вон откуда высокомерием несёт», — раскрыла рот я, но вовремя сдержалась.

«Ну ладно! Не получилось, будем спасаться нахрапом!»

— А чем, собственно, обязана вашему визиту? — растянула я премилую улыбку и, прикрыв ноги подолом, аккуратно поднялась и встала в позу прилежной девочки, собрав ладошки у живота.

— Девонька, господин Петер искал тебя, говорит, ты знахарка? — отозвалась Уршуля.

— Да что вы? — заморгала невинно, а сердце чуть ли не из горла выпрыгивало. — Не мудрено перепутать, столько вокруг похожих крестьянок…

— Такая, как вы, единственная, — резко вставил господин и нахмурился, будто смутился.

— О, какая честь! — кокетливо отмахнулась я, пытаясь выгадать время и сообразить, что пошло не так.

— Знахарку по имени никогда не звали, но у вас оно есть? — поинтересовался он, будто здесь таким имена не положены.

— Мариной зовут, — сухо представилась я.

— Знахарку? — Уршуля вскинула голову к высокому красавцу да поморщилась, видно, шею заклинило, и снова глянула на меня. — То-то, гляжу, одёжа на тебе странная. Так ты из Черского лесу?

— Да из лесу, из лесу! — раздражённо дёрнула плечами, не понимая, чем мне всё это аукнется, но отпираться уже не было смысла.

— Матушка-ежиха… — хлопнула себя по щеке Уршуля и окинула меня благоговейным взглядом. — Вон ты какая, точно самой Матушкой благословлённая…

Я недоумённо свела брови и заправила волосы за уши.

— А ты что увязался за мной? Я не виновата, если ты не искренне молитву Матери-ежихе читал, когда зелье действовало…

Петер недоумённо вытянулся, будто я ересь несла, как и Уршуля снова захлопала глазами.

— Я не винить пришёл, Анастасу, слава Матушке, намного легче стало…

— А что тогда? — перебила я, выставив руки на пояс, не зная куда деться от его пристального взгляда.

— Вам велено явиться в Бронлахтенский замок, — сухо ответил он, явно недовольный моим тоном.

— Ку-куда? — округлили глаза мы с Зоей.

— К самой королеве? — охнула Уршуля и прикрыла рот ладошкой.

— Зачем это? — отшатнулась я.

— Королева Марианна желает говорить с вами.

— О чём это?

— Слишком много вопросов, — неожиданно склонился он и насмешливо посмотрел в глаза.

Коза села на хвост и, задрав голову, уставилась на меня.

— То есть просто поговорить? — вскинула брови я, и сердце встало на место.

— Верно. Я сопровожу немедленно.

— Эй, а я? — вскочила Зойка. — Мариш, не оставляй меня тут!

Петер бросил недовольный взгляд на блеющее создание, подпрыгивающее между нами, и снова посмотрел на меня.

— Да ни за что! — положила ладошку на голову подруги. — Но нас же вежливо приглашают? Как думаешь?

— Вы что, с козой советуетесь? — в замешательстве прищурился тот.

— С Матушкой-природой! — процедила я, но поняла, что слишком резка с помощником королевы, надо бы повежливее. — Она со мной через козу говорит, — добавила милейшим тоном, но ехидного прищура спрятать не получилось.

— И правда знахарка! — поразилась Уршуля, сложив ладошки у сердца.

— Тогда прошу за мной, — развернулся Петер к калитке, за которой стояла его лошадь.

— Да только разве ж можно в ейной одёже идти на поклон к королеве Марианне? — вступилась Уршуля и сокрушённо развела руками.

Петер оглянулся, окинул меня снисходительным взглядом, явно разглядывая, а затем одёрнул кожаный сюртук и сухо ответил:

— У нас нет времени на выбор достойного двора туалета…

— Ой, какой сноб, — проворчала Зоя, трясь об ноги.

— Тогда вопрос закрыт, — скорее с облегчением выдохнула я.

— Вы не смеете отказать королеве, — оскорблённо вытянулся господин.

— Так и быть, — зашаркала тапками по сухой земле Уршуля и взяла меня за локоть. — Я тебе выходное платье Эльзы дам… Не то осерчает королева…

Я лишь закатила глаза: куда уж деваться теперь.

— Обожди, милок, мы быстро, — поклонилась старушка Петеру и похлопала меня по спине, кивая на дом.

— Ладно-ладно, только не пойму я, что это он мне выкает? Зауважал, что ли? — косясь на не сводящего с меня глаз мужчину, я поплелась за старушкой. — Или я за ночь постарела?! — испуганно оглянулась на Зойку.

— Успокойся, ты такая же, как и была… — фыркнула та, топая следом.

— Да ты не егожись, Маринушка, — погладила Уршуля сухонькой рукой по запястью. — Знахарке-то за восемьдесят лет уж, но теперь вижу, что правду говорят: выглядишь как девица. Вот он с уважением к годкам-то твоим…

— Что?! Я – бабка восьмидесятилетняя?! — округлила глаза и больно воткнулась плечом в дверной косяк. — Ай-й… — вскрикнула, злясь на себя, и потёрла плечо.

— Теперь ясно, почему он на тебя тогда пялился, — усмехнулась Зойка.

Уршуле, видно, было невдомёк от моего поведения, она покачала головой и повела в дальнюю комнату.

Как только вошли в спаленку, старушка тут же глянула исподлобья:

— А чаво ж ты не сказала, что знахарка?

Я хлопнула глазами и натянуто улыбнулась:

— Так… методы лечения хвори у меня особые, не все терпят… Вон и этот тоже сразу сильно испужался… я уж думала, что он меня убивать пришёл… А оно вон как…

— А знахарка другая тебе на что? — снова припёрла к стенке средневековая дознавательница.

— Да вот сапожник без сапог, — развела руками я, на ходу поддерживая прежнюю легенду.

Старушка пословицу не поняла, и я коротко пояснила, что не лечится моя хворь моими же зельями и что с сестрицей связь давно потеряла, вот и ищу её.

Снова пожалела меня Уршуля, поохала и достала нечто из большого сундука у оконца.

— Вот тебе одёжа… Не буду мешать, — и ушла в соседнюю комнату.

Я взяла ярко-жёлтое платье с оборочками, шнуровкой на груди, отороченное по краю подола вышитой тесьмой, и машинально принюхалась.

— Фу, от него кислой капустой несёт…

— Парфюм ля франс! — издеваясь, фыркнула Зойка и ткнулась мордой в ещё один кусок ткани на лежанке.

— Что ты ржёшь? Ты бы это надела?

— Мне не на что надевать. А вот по этим панталонам, кажется Victoria's Secret[4]плачет, — и коза подцепила на один рог нечто похожее на длинные шаровары серо-жёлтого цвета, будто всей деревней ношенные.

— Что? Панталоны?! — поморщилась я, беря в руки тряпицу. — Я это не надену!

— Если не хочешь, чтоб тебе клопы забрались в святыню, надевай, — проблеяла подруга. — Просквозит ещё!

Я со страдальческим вздохом сняла с себя лоскутный мешок и только потянулась за панталонами, как за спиной в окно что-то ударило, будто птица забилась. Я резко оглянулась – в стекло уткнулась лохматая чернобородая голова и глаза по булыжнику пучит.

— Красава, жива? — прогудел отдалённо знакомый голос.

— Мамочки! — взвизгнула я и сорвала с лежанки покрывало, чтобы прикрыться.

— А ну пошёл вон! — заблеяла Зойка и вскочила на дыбы у подоконника.

В комнату вбежала Уршуля и, всплеснув руками, пригрозила сельскому маньяку кулачком:

— Ах ты ж окаянный, совсем спасу нет…

Морда тут же сгинула, а я, сжимая покрывало на груди, возмущённо уставилась на старушку.

— Всё Лех, кузнец наш неприкаянный, — беззлобно смеясь, покачала головой та. — Ещё на ночку задержишься – жди сватов. Семья у него зажиточная… Ты не смотри, что он такой неловкий…

— Господи боже! — снова застонала я, вспомнив потного мужика с сальной улыбкой, и машинально открестилась.

— Какой такой господин Боже? — удивилась старушка, глядя на мои суетливые движения.

Я округлила глаза и затараторила:

— Святые ёжики, говорю, спасите!

— Тьфу на тебя, причём тут ежи? — буркнула Уршуля и засеменила к двери. — Пойду отважу… а ты одевайся, а не то вся окраина сбежится на прелести знахарки поглядеть… — и пошла, старчески подхихикивая.

---

[4] Victoria's Secret – бренд женского белья и прочих аксессуаров.

Я развернулась и стукнулась лбом о стену: «Ещё чуть-чуть, и я сама тут всё разворочу!»

Зойка опустилась с подоконника и тяжело вздохнула:

— И что, мы правда пойдём в замок?

— А что делать? Бежать-то некуда. Ты же видишь, как нас быстро нашли… — ответила я, беря платье. — Придётся подчиниться обстоятельствам…

— Да-а, у меня-то маскировка крутая, но куда твою мордашку девать… — поскребла рогом о стену Зойка. — Ладно, одевайся…

Ткань была шершавой на ощупь – грубый лён, похоже. Я кое-как натянула платье, по размеру вроде подошло, приталенное, женственное, декольте в оборочках – загляденье, только коротковато – «сандалики» мои модные не прикрывало.

В комнату снова вошла Уршуля и довольно оглядела меня с ног до головы.

— Хорошечна! Но обувки на тебя нет. У Эльзы ножка маленькая, — с сожалением покачала головой старушка.

— Ничего, я уже сроднилась со своими, — ободряюще улыбнулась я. «Чего старую женщину расстраивать, и так она нам помогла, а то ночевали бы в той канавке».

— А это, девонька, тебе свёколка, ты губки-то натри, краше ещё станешь, — протянула Уршуля тёмно-бордовый огрызок овоща.

— Э-э, спасибо, тётушка, но ни к чему марафет наводить. Нам ещё топать через всю деревню… э-э, то есть город ваш, — как можно мягче отказалась я.

Уршуля смысла слов не поняла, похлопала глазами и прибрала руки со свёклой под фартук.

— Ну гляди, как знаешь, — и поклонилась, будто госпоже.

Умывшись, вынув сено из волос и собрав их в аккуратную гульку, я морально приготовилась к новому выходу в неизвестный мир.

— Сейчас у нас сопровождение внушительное, думаю, никто не сунется, — поддержала Зойка, видя, как я мнусь перед дверью на улицу, хотя и сама заметно нервно подёргивала ушами.

— Вариантов нет, — вздохнула я. — Тебя не тронут, а мне огрести не хочется. Но страшно, капец…

— Ничего, родная, может, что полезное узнаем, — храбро вытянулась Зойка.

Уршуля недоумённо поглядела то на меня, то на козу, пожала плечами и буркнула под нос:

— Верно, в канаве что пришибла.

Когда я вышла на улицу, Петер, ожидавший на лавке у колодца, на мгновение замер на моём лице, поднялся резко, будто ужалили, чуть строже окинул с головы до ног и одобрительно кивнул, но уж слишком снисходительно.

— Фейс-контроль прошла, — усмехнулась под нос, растянула жизнерадостную улыбку – помирать так весело! – и лёгкой походкой направилась к господину.

Мы с Зоей вышли за калитку вслед за ним. Уршуля помахала нам платочком и, утерев отчего-то слезящиеся глаза, так и стояла у дома, провожая взглядом.

Петер взял лошадь за узду и протянул мне руку.

— Что? — уставилась я на его крепкую ладонь.

— Сами взберётесь? — вскинул он бровь.

«Куда? На лошадь? А Зоя?» — и решительно мотнула головой:

— Я люблю пешие прогулки.

Он скептически окинул мои лапти – и что они всем покоя не дают! – и опустил руку. Развернул лошадь по дороге в сторону замка и молча, явно сдерживая недовольство, указал направление.

Но только мы с Зоей сделали два шага, как он недоумённо обернулся.

— Ваша коза тоже идёт?

— Разумеется, — я упёрла руки в бока. — Это проблема?

— Это неуместно, — произнёс он с таким выражением лица, будто и говорить это восьмидесятилетней бабке не должен.

— Эй, красавчик, утихни! — возмутилась коза.

Я положила ладонь ей на спинку и улыбнулась:

— Тогда придётся отхлестать меня прямо здесь, потому что без козы я не сдвинусь с места.

Петер медленно развернулся.

— Отхлестать?

— Ну или что у вас за непослушание? — отмахнулась я и почему-то уверенно подумала: «Нет, ты не посмеешь меня тронуть!»

Петер сузил глаза, смерил нас обеих испытующим взглядом, отвернулся и повёл лошадь вперёд, очевидно, не собираясь взбираться на неё.

— И не так быстро, пожалуйста: моя подруга не успевает…

— Ваша подруга? — с ещё более насмешливым взглядом повторил Петер.

Я лишь красноречиво расширила глаза и кивнула. Он терпеливо вздохнул, оттянул ворот сорочки и всё же сбавил шаг.

«Ничего-ничего, милок, потерпишь. Я же терплю всё это!» — усмехнулась мысленно, а вслух хихикнула и склонилась в смешливом реверансе:

— Благодарствую, господин!

Зойка сделала своё фирменное «фр-р» пушистыми губами и поцокала следом.

Некоторое время мы шли молча, я пинала дорожную пыль, Зойка чихала и с матом комментировала всё вокруг.

Я то и дело ловила себя на том, что снова разглядываю Петера. Несносный гордец, конечно, но до чего же удачно в нём сочетались мужская брутальность и безупречная в сравнении с местными ухоженность.

«Хотя манер ему не занимать: мужик давно бы послал, а этот, хоть и холодно, но терпеливо реагирует… И для средневекового парня у него слишком красивые пальцы, такие ровные ногти и чистые… Точно дворянин, — в следующем шаге чуть приподнялась на носки и мазнула взглядом по вороту его сорочки. — Хм, шея чистая… значит, мыло у них есть».

— Как ты узнал, что я здесь? — поинтересовалась я, не выдержав.

— Ехал в лес, но по дороге услышал, что вы остановились у госпожи Уршули, — не оборачиваясь ответил Петер.

— От кого же? — удивилась я.

— У вас слишком примечательная внешность, чтобы народ не заметил, — сухо выдал тот и шёл дальше, как аршин проглотил.

— А-а… — протянула я и вздохнула. — А зачем я нужна королеве?

— Об этом она скажет лично, — как отрезал он, будто говорить со мной доставляло ему крайнее неудобство.

«Ну и ладно… Не открывал бы рта, сошёл бы за обаятельного мачо».

Вскоре мы с Зойкой чуть отстали, с невольным любопытством глазея по сторонам. Петер лишь изредка оборачивался на нас, видимо, недоумевая, почему я так страстно по-человечески разговариваю с козой.

Чем ближе к центру Петерграда, тем меньше город походил на средневековую деревню. Узкие улочки расползались в широкие мощёные проезды, над дорогой нависали фахверковые дома с тёмными деревянными балками, а с кованых вывесок на цепях покачивались сапоги, ножницы, кренделя и золотые кубки – мастерские, торговые лавки, таверны…

На перекрёстках журчали каменные фонтаны, под крышами крутились флюгеры в виде петухов или гномов, а из высоких башенных часов над площадью лениво тянулся колокольный звон.

— Винтажно… но в лаптях по булыжнику – чистое членовредительство, — ворчала я, а Зойка поддакивала, скользя копытцами по гладким камням.

Люди здесь выглядели куда наряднее окраинных: женщины в ярких добротных платьях и чепцах, мужчины в расшитых камзолах и широкополых шляпах. Мы с Зоей смотрели удивлёнными глазами на этот мир, а этот мир разглядывал нас. И с Зойкой, похоже, надо было что-то делать: её розовая пуаровская грива обращала на себя слишком много внимания.

Наконец улица вывела нас к самому невероятному месту, которое я только видела в жизни. Над рекой выгибался широкий фигурный мост с коваными узорами и гербами с обеих сторон, фонарями на высоких столбах, а за ним поднимался тот самый Бронлахтенский замок. Светлый камень, острые башни, арочные окна, чёрные кованые ворота с позолотой – всё выглядело настолько величественно и неправильно современно для этого мира, что у меня перехватило дыхание.

После скромных окраин это место казалось другим миром, красивым до мурашек и одновременно жутко пугающим, будто именно здесь решится, что с нами будет дальше.

На секунду показалось, что всё это иллюзия, но опустив глаза к козе, прижавшейся к бедру и во все глаза разглядывающей королевский замок, уверилась: «Нет, не иллюзия!» — и поняла, что легче принять реальность таковой, чем сомневаться в собственном безумии. И похоже, коза… то есть Зоя думала аналогично.

— Атмосферно… — протянула я.

— А-антуражно… — проблеяла подруга. — И почему мы попали в избушку на курьих ножках, а не во дворец? Я бы не против была принцессой заделаться…

Я прикрыла глаза на минутку – вдохнуть и выдохнуть для нового шага в неизвестность – и, бодро расправив плечи, улыбнулась:

— Ну-с, пошли покорять и эту вершину!

Глава 7. Реверансы по-питерски, или Волшебный пендель

После окрика Петера ворота дрогнули и медленно поползли в сторону. Их скрип заглушил жалобный звук моего пустого желудка. Я покосилась на Петера, но тот хоть бы бровью повёл и продолжил невозмутимо вести нас внутрь двора. Поглаживая живот, только сейчас поняла, что Зойка по дороге травки перехватила, а мне с утра и маковой росинки в рот не упало.

За спиной ворота тут же сомкнулись. Стражники с каменными лицами встали на пост – просто так и не выйти.

«Спокойно, это просто светский визит…» — убеждала я себя, на цыпочках ступая следом за сопровождающим.

Чем дальше мы шли, тем меньше окружающее походило на Средневековье. Чистый необъятный двор сиял светлой ровной мраморной плитой. Цвели пышные деревца, галереи с арками тянулись вдоль стен, а дорога для карет уходила в главный двор, судя по нарядной арке и богатым клумбам внутри. Окна замка сверкали цветными витражами, а над башнями хлопали длинные знамёна – красиво, величественно, монументально. Опрятно одетые слуги сновали по двору быстро и молча. Никакой вони, дыма или помоев, пахло свежей зеленью и какими-то незнакомыми ароматами.

— Вау! Зой, мы точно в Диснейленде! — невольно восхитилась я, задирая голову к шпилям. — А замок новёхонький, будто построили недавно…

— Так и есть, три года как отстроили, — подтвердил Петер, оглядываясь на меня с каким-то подозрением.

Я, как ребёнок, с раскрытым ртом продолжила рассматривать убранство двора.

— Вы точно знахарка? — снова оглянулся Петер.

— Мы же это уже выяснили, — недоумённо усмехнулась я.

— И вам действительно за восемьдесят?

Я невинно хлопнула глазами:

— Неприлично спрашивать у женщины о возрасте. А что, глаз никак не оторвёте? — и кокетливо хихикнула.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Для восьмидесятилетней старухи весьма, — хмыкнул с подозрительным прищуром.

«О-о, ничего его не берёт!» — усмехнулась мысленно.

— Травки-муравки меня берегут. А так-то мне девятый десяток пошёл, — ехидно фыркнула я на его скептический тон.

Тот лишь с ещё большим сомнением смерил меня долгим взглядом.

— Брата моего вы спасли, но что-то с вами не так…

— И что же со мной не так? — подбоченилась я.

Зоя боднула в бедро:

— Помалкивай, а то огребёшь по полной!

Но волна возмущения уже настигла, и я спустила всё, что чесалось на языке:

— Думаешь, я неуч из глухомани? Я, между прочим, и университет окончила… Внучка я той знахарки буду!

После этой тирады во взгляде Петера мелькнуло удивление и, казалось, удовлетворение от верной догадки.

«Ёлки, зачем я ему это сказала? Самолюбие решила потешить? Вот глупая – ты не дома!» — отхлестала себя мысленно, поскромнела и опустила глаза. Зойка молча затрясла головой и уткнулась лбом в бедро.

И в этот момент мой желудок снова жалобно взвыл. Я лишь поморщилась и сжала губы.

Петер мельком покосился на мой живот, отвернулся и повёл нас дальше.

Мы миновали парадный двор, нырнули в арку и вышли во внутренний – шумный, рабочий со множеством выходов: в конюшню, псарню, судя по лаю собак, какую-то мастерскую, где стучали инструментами, и ароматы стояли соответствующие. Тут все тоже занимались делом.

Петер остановился, посмотрел куда-то в сторону и коротко произнёс:

— Ждите здесь.

Потоптавшись на месте, я присела к Зойке.

— Как думаешь, зачем нас сюда привели?

— Без понятия, — хмыкнула она, почёсывая копытцем живот.

— Нам ведьму искать надо, а мы тут застряли, — потирая плечи от нервного озноба, я огляделась вокруг: пути на волю и не видно, все входы и выходы вели в помещения замка.

— А вы та самая знахарка? — вдруг донеслось сбоку.

У псарни парнишка в кепке и кожаном фартуке жевал какой-то пирожок и таращился на нас во все глаза.

Я лишь нахмурилась: «Стоит ли вообще делать такое заявление? А вдруг и правда решили меня как знахарку привлечь? И как тогда отделаться?»

— Видела, как на тебя народ пялится? — прошептала Зойка. — Если там король будет, включай всё своё обаяние… Эх, жаль, я коза, а так бы тебе помогла… Ну ничего, рядом буду, подскажу… В общем, король на тебя западёт и тогда сестру той ведьмы из-под земли достанет.

— Отличная идея! — задумалась я и тут же поморщилась: — А если он старик?

— Ещё лучше: доходяги на молодых особо падкие!

— Ох, на что ты меня толкаешь? — с брезгливостью усмехнулась я, но уже морально готовясь сделать всё что угодно, лишь бы добыть нужную информацию. А притязания старика уж как-нибудь потерплю.

Вдруг надо мной возникла тень, я оглянулась и увидела девчушку, служанку в чистеньких чепчике и фартучке.

— Пирожок желаете? — тоненьким голоском сказала она и протянула раскрытую корзинку.

От запаха горячей выпечки у меня потемнело в глазах. Я облизнулась и растянула такую широкую улыбку, что девчушка засияла:

— Ой, светлая вы знахарка! Кушайте, пожалуйте…

— О-о, спасибо! — тут же вцепилась в пирожок я.

Пирожок был маленьким, но жирненьким, с какой-то зеленью и капустой.

— Боже, как же вкусно! — пробубнила с полным ртом. — В смысле, мама дорогая, святые ёжики!

Девчушка хихикнула, поклонилась и убежала.

— Не продай душу за пирожок! — мекнула коза.

— М-м, поздно, — простонала я, заглатывая последний кусочек, и быстро вытерла губы ладошкой. — Говорю же, добрые люди везде есть… Может, не всё так плохо?

— Теперь главное – тут не накосячить и выйти сухими, а монархи – они такие… — нервно озиралась коза.

— Зой, а ты что-нибудь особенное помнишь из придворного этикета?

— Мы ж вместе «Игры престолов» смотрели, вот оттуда и тырь, — вскинула голову она. — Только не чеши нос!

Я громко прыснула, но посерьёзнела, поднялась, приложила ладошку козырьком ко лбу и щурясь уставилась на арочные окна замка.

— Здесь вроде не такой мрак… Да и я не Арья Старк[5]– драться не умею. И боевого дракона у меня нет…

— Зато есть боевая коза! — хмыкнула Зоя. — О, а вот и Джон Сноу[6]!

— О-о… — только и выдохнула я, потому что дыхание резко перехватило от взгляда на идущего мужчину.

Джон… то есть Петер уже был в простой белой сорочке, кожаном жилете на шнуровке – хоть сейчас на обложку журнала «Мистер Совершенство!»

— Прошу за мной! — бесстрастный тон тут же охладил навеянный голодом аппетит.

Я настороженно сделала шаг за ним, Зойка – за мной, но он снова обернулся, холодно глянул на козу и тоном, не терпящим возражений, высек:

— Вы одна! — и махнул кому-то у меня за спиной.

— Эй, я без Зои никуда не пойду! — упёрлась я. — Она моя… моё…

«Тьфу ты, ёлки! Что ж сказать-то?..»

— Да не боись, знахарка, присмотрят за твоей козой, — неожиданно хмыкнул тот самый парень из псарни, подбежавший с другой стороны. — И Марушка подоит её, вон вымя как раздулось…

«Что? Опять вымя?» — я округлила глаза на Зойку.

— Не-е-ет! — испуганно заблеяла та и шарахнулась в сторону, но парень шагнул к ней. — Всех забодаю к чёртовой бабушке! — забрыкалась она что есть мочи.

— Не сметь её трогать, а то прокляну! — раскинула руки, загородив козу собой.

И видимо, что-то в глазах моих мелькнуло такое, что прислужник остановился. Я сразу крылья и расправила, да такую речь заготовила, но…

— Отведи козу на псарню! — раздался строгий голос Петера за спиной.

Мальчишка тут же схватил Зою за рога и потянул её, упирающуюся всеми копытами, за собой.

— Ма-ри-на-а… я собак боюсь!

«Трындец!» — зло повернулась я и едва ли не впечаталась лбом в грудь Петера.

Он смотрел на меня сверху вниз, холодно щурясь.

— Но я не пойду без…

— Вы понимаете, где находитесь? — угрожающе спокойно ответил он.

— Марина-а-а… не бросай меня… — блеяла Зоя.

Взгляд его был категоричным, но и тон осаживал и… обнадёживал. Сердце обливалось кровью, но я понимала: если сопротивляться, ещё не зная, зачем меня позвали, то могу нас обеих подставить.

— Не волнуйся, Зой! Я всё улажу! — обернулась к подруге с умоляющим взглядом, а потом грозно бросила Петеру: — Пусть с неё хоть шерстинка упадёт!..

— Как у Матушки за пазухой будет, — натянул терпеливую улыбку тот, отвернулся и настойчиво указал направление рукой.

— Благодарствую! — не подала виду, что сдалась, вскинула голову, оглянулась на козу и с тарабанящим в горле пульсом пошла за Петером.

Прошли центральный двор и вошли в массивную дверь, что открывала проход в длинный коридор. Всю дорогу я молилась за Зойку и за себя.

Когда поднялись по широкой мраморной лестнице, свернули несколько раз и остановились перед шикарной узорной дверью в позолоте, Петер повернулся вполоборота и сказал:

---

[5] Арья Старк – героиня телесериала «Игры престолов», обладающая боевыми навыками.

[6] Джон Сноу – романтический герой телесериала «Игры престолов».

— Всё, что вы услышите или узнаете, не должно покинуть вашего рта.

— Разумеется, я не из болтливых! — даже обиделась я. «Да и с кем мне болтать?»

— И, будьте добры, впредь обращайтесь ко мне подобающе.

«Ах, мы статусами померяемся, значит? Забыл, что я братца твоего спасла? — мстительно прищурилась я. — Ну, погоди…»

— Пренепременно, господин Вагонский! Запамятовала, — отчеканила каждое слово с нескрываемым ехидством.

— Вар-ргонский, — с неодобрением исправил он.

— Р-р! Запомню! — растянула картинную улыбку, вскинула подбородок, расправила плечи и, как великосветская дама, прошествовала мимо него в открытую дверь.

Я вошла в небольшой, но высокий светлый зал – ничего особенного, чего бы не видела в Эрмитаже или Петергофе – декорации стандартные для исторических фильмов, но натуральные до мурашек: всё в позолоте, потолок в искусной росписи и пол выложен потрясающими узорами, пахло чем-то вроде лаванды. Только, к сожалению, это была не съёмочная площадка.

«М-да, богато живёте…» — вздохнула я, и выдох показался слишком громким в невозмутимой тишине этой залы, а рука так и потянулась к носу.

Эхо стремительных шагов Петера вернуло к реальности и сосредоточило на другой картине в глубине комнаты.

В громоздком позолоченном кресле на скульптурных ножках – истинный антиквариат – сидела светловолосая дама размера эдак пятьдесят восьмого с изящной короной на голове, и вряд ли пышный подол богато расшитого платья создавал иллюзию большей полноты: декольте слишком подчёркивало её объёмы. Свет от окна падал на молочного цвета лицо с таким чётким румянцем, будто не румяна, а нечто болезненное заставляло кожу краснеть. Осанка величественная, движение веера неспешное…

«Точно королева», — заключила я, скребя мизинцем по кончику носа.

А вокруг неё на светлых пуфах с книжицами в руках сидели ещё четыре дамы в платьях чуть попроще и сами поаккуратнее в объёмах.

Петер подошёл к королеве и что-то шепнул на ухо. Та даже не повернула головы, но, чуть помедлив, лишь взглядом коснулась пола в моей стороне.

— Подойди, — велела она подчёркнуто снисходительным тоном и сделала короткий жест веером, указывающий на пустующее кресло напротив.

«А где король? — задумалась я. — Пикапить-то[7]и некого! Ну… придётся рассчитывать только на себя…»

Петер выпрямился, заложил руки за спину и чинно встал сбоку от королевы. Его пристальный взгляд сопровождал меня вплоть до предложенного места, пока не остановилась. Но я не села, боялась, что буду ёрзать от нервных мурашек и колючих панталон, поэтому вежливо улыбнулась, кротко поклонилась хозяйке положения и прислонилась бедром к подлокотнику кресла.

Её величество подняла на меня взор, полный спокойного превосходства и ленивого любопытства, с минуту разглядывала, чуть дольше остановившись на моих лаптях, а затем долго смотрела в лицо.

Я сглотнула, когда наши взгляды встретились, непреложную силу обладательницы трона ощутила всеми фибрами, но свой не отвела: не умела проявлять покорность перед власть имущими, да и нужно ли было казаться безродной собачонкой. Я ей не соперница, так чего было бояться, поэтому продолжала смотреть на неё с учтивым интересом.

— Говорят, ты моего музыканта Анастаса вылечила? — наконец произнесла королева, а где-то за соседним креслом у густых складок гардины шевельнулся кто-то худосочный.

---

[7] Пикап – искусство быстрого знакомства и соблазнения.

Я покосилась туда и разглядела того самого парня, похожего на Петера. Тот и не прятался, просто его камзол слился с цветом гардины, а в руках он держал что-то вроде лютни. Парень поклонился мне и благодарно улыбнулся.

«Лакомка – сказала бы Зойка», — и по-доброму улыбнулась в ответ.

— Раз улыбается, значит, вылечила, — кивнула королеве и мельком глянула на Петера. Тот стоял с каменным лицом, ни тени поддержки.

— И что ж за хворь у него была, коль мои травники и цирюльники не смогли ему помочь? — продолжила королева.

Я не знала, что сказать, поэтому предположила:

— Думаю, когда есть непроходимость кишечника, что неудивительно, судя по тому, что вы тут едите, то бактерии не могут уже справиться самостоятельно, нарушается перистальтика, возникают спазмы…

Королева хмурилась всё сильнее, и все остальные смотрели на меня, как Зойка в теле козы на себя в зеркало.

— Ну… в общем, да, я умею готовить зелье под такую хворь, — выдохнула, с трудом подбирая слова. «Эх, как же сложно тут всё!»

Королева отвела взгляд, посмотрела в окно, затем на свой веер и неспешно проговорила:

— Говор у тебя странный и больно мудрёно говоришь…

«Надо бы изобразить что попроще», — подумала я и затараторила:

— Дак не ваша я вся буду. Всё на свой лад у нас в лесу-то, как Матушка-природа дала… птицы да животные по-своему гутарят…

«Ёлки, по-моему, это не из их лексикона?» — чуть сама не закатила глаза, и, мазнув взглядом по лицу Петера, поняла, что тот явно сомневается во мне, но отчего-то не проявляет возражений.

Сделала вид, что всё как и должно быть, и снова улыбнулась.

Королева как-то странно напряжённо вздохнула, светлые брови чуть сошлись над переносицей, будто она пересиливала боль, слегка повела плечами и снова замерла на мне взглядом.

— Значит, знахарка… — нотки скепсиса в голосе заставили все позвонки вытянуться.

«Так… держи лицо… Я не я, и лапти не мои!»

— Красивая ты… уродилась, — неожиданно заметила королева, и дамочки, всё это время скромно сидящие и пялящие свои глазки в книжицы, разом покосились на меня.

«Изведут ведь из зависти!» — стрельнула мысль в висок.

— Да что вы, это травки-муравки особые помогают… Так-то мне девятый десяток пошёл. Еле прямо стою, а если сяду, то рассыпаюсь вся, — выдала я и резко ссутулилась, стараясь занять позу «зю».

Петер бросил на меня такой насмешливый взгляд, будто для него я и впрямь баба-яга, но сжал губы и промолчал.

Её величество сузила глаза, а пальцы жёстко смяли ручку веера.

— Может, что-то и придаёт тебе бодрости, знахарка, но никому не позволено держать меня за дуру! Сколько тебе лет? — строго спросила она.

«А умная баба… похоже, надо быть честнее».

— Двадцать… девять, ваше величество, — солгала я, чтобы всё-таки быть весомее. «Ну какая знахарка в двадцать три? Даже у нас компетенция тридцатилетнего врача под сомнением».

Величество снова окинуло меня оценивающим взглядом.

— Для двадцати девяти… весьма… И все зубы целы?

«А это-то тут причём? Ещё в рот мне загляни… Что за варварство?» — возмущённо выправила осанку и вынужденно улыбнулась:

— Да, все тридцать два на месте.

— Довольно, — сменила позу королева, шурша подолом, и пренебрежительно поморщилась, снова глянув на мои «черевички». — И что ты умеешь?

— А-а… конкретных рецептов нет… надо индивидуально смотреть на организм, на режим питания, условия жизни и определять, какие зелья и молитвы помогут, а то и волшебного пенделя хватит… — сморозила я и округлила глаза от неуместного энтузиазма: — Это особый метод, — добавила многозначительно.

«Что-то мне без поддержки Зойки туго как-то».

Но это было не так, я просто очень за неё боялась. Пока я тут раскланивалась в реверансах, её могли уже на шкуру пустить.

«Капец, ну хватит страшилки представлять!» — вздохнула я и уронила плечи, устав стоять, как на выставке.

Королева снова надолго замолчала, будто вообще забыла, что я перед ней стою, смотрела в окно и степенно рисовала пальцами по складкам подола. Потом Петер склонился над ней и что-то нашептал. Величество пристально прищурилось.

— Я принесла в это убогое место культуру и научные открытия. О каких молитвах и зельях ты говоришь? — усмехнулась она, и была не так уж не права, но кто ж знал, что у неё такое прогрессивное мировоззрение. — В наш век давно известно, что все эти верования в защитников от Матушки-природы – всего лишь невежество. А все ваши зелья – всего лишь знания и опыт, как смешать природные элементы в эффективное лекарство.

«Однако ж… настолько продвинутая?! — поразилась я, даже, наверное, в лице изменилась. — Значит, и договориться с ней можно?»

— И всё же, чем я могу быть вам полезна? — с тщательно скрываемым нетерпением спросила я.

— Я не верю подобным шарлатанам, но про тебя и не такое поговаривают – хочу посмотреть, что умеешь, — скептически махнула веером она.

Дамочки тут же засуетились и вышли одна за другой, остались только Петер да Анастас.

«Видно, им она больше доверяет, — промелькнуло в мыслях, и прищурилась на Петера. — Может, мне и король не нужен, а вот этого в оборот взять? Его и соблазнять приятнее…»

Я растянула кокетливую улыбку, но Петер отвёл взгляд, будто и терпел-то меня только из-за воли королевы.

«Ой, да не очень-то и хотелось!» — фыркнула мысленно, но внутри всё же неприятно ёкнуло.

— Так что видишь во мне? — обратилась ко мне королева и вскинула голову, словно бросая вызов.

— Ну… мне бы для этого вас осмотреть, вопросы деликатные задать, — тянула время я, а у самой в затылке уже кипело от понимания, что миссия моя провальная. Шарлатанка я что ни на есть самая настоящая.

— Что ж, это можно, — хмыкнуло величество и вытянуло обе руки в стороны.

Петер и Анастас тут же подоспели и помогли грузному телу подняться из кресла.

Королева чуть вытянулась, снова поморщилась и как-то неуклюже, всем телом разом повернулась в сторону другой двери из залы. А когда она сделала шаг, тут-то я и поняла, что стесняло её движения: она прихрамывала на одну ногу и не поворачивала головы – явное защемление.

Она двинулась вперёд в сопровождении парней, поддерживавших её под руки, а я после молчаливого кивка Петера настороженно пошла следом.

— Как зовут тебя? — поинтересовалось величество по дороге.

— Марина Кол…— начала я и запнулась: вряд ли фамилии у них такие имеются. — Марина Черская… — произнесла внятно.

— Ма-ри-на? — протянула королева, будто гниль какую попробовала. — Занятно.

«Да уж, обхохочешься! — закатила глаза я и неожиданно поймала на себе взгляд Петера. — Ты-то что вечно невпопад?»

Мы прошли пару малых залов и оказались перед светлыми узорными створками, очевидно, королевских покоев.

Анастас открыл дверь, сопроводил королеву внутрь и прикрыл створки, я же прислонилась к стене напротив и с жаром неопределённости в груди ждала, пока мне позволят войти.

— Марина Черская? — вдруг усмехнулся Петер.

Я оглянулась и вскинула брови на его скептический тон.

— Да, наш знахарский род давно живёт в лесу, собственно, лес его именем и назван, — выдала с напускной гордостью.

— Уж не знаю, насколько вы внучка знахарки, но перед королевой лишнего не выдумывайте, — склонился он над плечом. — Иначе вас отсюда метлой погонят.

Лицо обдало жаром. Я вопросительно округлила глаза, возмущённая его неуважением к «великой знахарке»: сам же позвал!

— Черский лес назван в честь основателя Варавки, жившего семьдесят лет назад, — снисходительно объявил Петер.

«Вот же села в лужу! — чуть не прикусила язык, но, не подав виду, что смутилась, медленно отвернулась и вытянулась струной. — Невыносимый сноб!»

Дверь королевских покоев неожиданно открылась, и Анастас пригласил меня войти. Я тут же проскользнула в проём, потому что стоять рядом с разоблачителем было до ужаса и стыдно, и опасно.

Петер так и остался стоять у стены.

В покоях оказалась ещё одна женщина, совсем молодая, скромно одетая, скорее, служанка. Анастас вышел, но служанка осталась стоять статуей, лишь кротко на меня взглянув.

Королева сидела у окна на кушетке со спинкой и пристально смотрела на меня.

Я нерешительно посмотрела на девушку и снова на королеву.

— Говорите, моя фрейлина немая, — велела та.

Стараясь сообразить, как выкрутиться и не вызвать огонь на себя, я стала задавать вопросы, на которые когда-то отвечала врачу-корейцу, что лечил меня от защемления, когда весила не по возрасту. Именно с его лёгкой руки началось моё восстановление веса и полное изменение образа жизни.

Конечно, теперь я активно занималась йогой, питанием и всегда следила за телом, но я не медик и распознать королевский недуг просто-напросто была некомпетентна. В одном была уверена: если шею или спину заклинило, то двум способам не было равных. И, по словам Марианны, симптомы указывали именно на это.

— Хватит глупых вопросов, что ты можешь сделать? — нетерпеливо прошипела королева, уже не скрывая, как ей больно, даже постарела на лицо.

«Худеть ей надо точно, да кто ж меня слушать будет?»

— Ну… — бросила взгляд на её тяжело вздымающуюся молочную грудь, оценивая свои возможности, и улыбнулась: — Много бы чего ещё сделать надо, но…

— Чего – но?! — сверкнула негодованием в глазах она.

— С одной хворью можно разобраться прямо сейчас. Только дайте мне к вам прикоснуться и выполняйте всё, как скажу, иначе не поможет. Готовы? — и склонилась над ней, доверительно глядя в глаза.

— Да делай уж! — вспыхнула та.

Я помогла ей подняться, зашла за спину, дала указания, как сложить руки и как дышать. Королева хоть и косилась на меня с возмущением, но когда в очередной раз её прострелила боль, то, стиснув зубы, подчинилась.

Я собралась с силами, вытянулась на носочках – тресь! – и сделала приёмчик на ура. Тяжеленная особа, но что уж поделать.

Хруст я услышала верный, помочь должно было точно… Но!

Королева так взвизгнула, вытаращила глаза и стала малинового цвета от макушки по декольте, что, казалось, описается или чего похуже. А когда стала оседать, немая фрейлина кинулась к ней и усадила на кушетку.

— Ах ты коновалка-пиявочница, я что тебе, молочный поросёнок?! — вскрикнула королева, едва хлебнула воздуха. — Нутро горит, ты меня извела!

У меня затряслись колени. Я отступила и обняла себя за локти. А фрейлина, мыча, замахала на меня руками.

— Если у вас кипяток под кожей, это как раз норма… в смысле естественная реакция тела, надо лечь, и всё пройдёт, — затараторила я, инстинктивно пятясь к выходу от пугающе судорожных вдохов королевы.

Но потом она вдруг стала белее молочного и припала лицом к кушетке, застонав так, будто её выжали, как пасту из тюбика.

«Господи, как бы я ей вообще шею не свинтила!» — глаза сами выхватили распахнутое окно, но, вспомнив, что замок стоит на возвышении и окружён рекой, поняла: сигать в окно опасно. Кто ж потом Зою выручит?

— Королева Марианна… — осторожно позвала я.

— Во-о-н! — прокряхтела та бессильно и, кажется, отключилась.

Я попятилась, пока чего страшнее не случилось, и как ужаленная вылетела за дверь.

Глава 8. Цирк на копытах, или Побег из Петерграда

У покоев, смиренно ожидая, стоял лишь Петер. Он взволнованно поднял глаза, а моя рука тут же потянулась к носу. Но я сжала пальцы в кулак, завела руку за спину и растянула улыбку Джокера.

— Королева просила не беспокоить… — проговорила старательно медленно. — Отлежится и пригласит… А-а мне велено идти восвояси…

И, поклонившись, осторожными шагами, чтобы не выдать волнения и беснующейся паники, прошла по коридору мимо, а далее по тому же пути – назад из замка.

Бегом преодолев коридор к заветной двери, я замедлила на пороге, отдышалась, распустила волосы, чтобы скрыть горящее лицо, и вышла наружу.

— Святые ёжики, еноты, козы, да кто угодно, ради всего святого, помогите нам! — шептала, отчаянно спеша к псарне.

Выбежала в арку, выглянула по сторонам, увидела юного псаря и устремилась к нему.

— Где моя Зоя? — споткнулась я перед ним, да вовремя ногу подставила.

— Кто?

— Да коза! — нетерпеливо процедила я.

— Забирайте свою негодницу: она чуть любимую гончую королевы-матушки на рога не насадила! — возмутился псарь и вошёл в сарай.

— Вам ещё повезло, — хмыкнула я и, нервно притопывая, заглянула вслед за ним.

— Сюда никому не велено. Стойте здесь! — деловито гаркнул пацан.

Запашок внутри стоял ещё тот: как моя Зоя выдержала?

— Да иди ты, не упирайся, дура рогатая! — вскоре послышалось за дверью, а потом та распахнулась и оттуда слишком быстро вылетел псарь, а за ним разъярённая коза рогами вперёд.

Я еле успела ухватить её за шею и с улыбкой прокричала парню:

— Извините, извините, мы уходим! Всё в порядке… Зой, с ума сошла?! Бегом отсюда, пока не поджарили! — шикнула подруге и направила её в сторону ворот.

— Фр-р-р! Я тебе покажу дуру рогатую… — злобно прошипела та, нервно оглядываясь, а потом вдруг преградила мне дорогу и вперилась в меня умоляющими глазами:

— Марин, поклянись, что ты меня больше не бросишь?

— Пышка, ты что?! — наклонилась к ней и заключила пушистую морду в ладони, а сердце аж лавой облилось. — Извини, этого больше не повторится! Я сама как на иголках была… Но сейчас нам надо ноги уносить…

Зойка поняла без объяснений и дёрнулась от меня в сторону ворот.

Едва мы вышли за ворота нетронутыми, стража лишь покосилась на знойную гриву козы, как припустили с моста через реку да через улицу и затерялись меж домов. А потом и вовсе выбежали к кустам перед большим поместьем.

Я втянула Зойку между кустами орешника и присела, чтобы, наконец, выдохнуть.

— Ты-то чего как ужаленная? — осторожно спросила Зоя. — Что, король страшный, беззубый, вонючий и сразу в спальню потянул?

— Ну и фантазия, Зой… его там вообще не было, — вздохнула я и выдала всё, что произошло за тот час, который пропадала у королевы.

Ничего дурного не хотела, но, похоже, местной матушке от меня досталось, ещё и при свидетельнице. Кто знает, что будет, когда королева очнётся. Поэтому нам надо было бежать из Петерграда. Но это было ещё большей проблемой: куда бежать?!

Зойка растерянно покрутила головой, села на хвост и долго молчала, а потом вздохнула:

— А от меня кобелями несёт.

— Мне бы твои проблемы, — вздохнула я и прислонилась виском к её тёплой шее.

— Как мы тут выживем, где нам эту ведьму искать? — склонила ко мне голову подруга. — Ни еды, хотя я-то могу и траву пожевать… ничего вроде так на вкус… даже десертную нашла.

— Жаль, что я не могу разделить твой оптимизм. Я-то и охотиться не умею, — посетовала я и обняла подругу.

Мы немного посидели, а потом я осторожно выглянула из-за кустов: улица была чиста, ни стражи, ни погони, ни шума, ни тревожного звона колоколов или воя труб.

— Вроде пока спокойно.

— Может, ты от испуга приукрасила и никто за тобой не гонится?

— Может, и так, — почесала нос я. — Но подстрахуемся, нельзя время терять. Только куда идти, не знаю.

— Думаю, надо идти на шопинг, — прищурилась Зойка.

— Куда?!

— Ну, на базар, или что у них тут… В таких местах все сплетни собираются. Там точно должны про ведьму знать. А что ещё делать?

— Поесть бы… — погладила я осиротевший живот.

— Вот там как раз и добудем чего, — смело решила Зоя и вышла из кустов.

— Да за что? Нам и продать нечего… — растянула я подол чужого платья.

Зойка закатила глаза, пофыркала, вздохнула и кивнула:

— Ладно, так и быть – побуду твоей обезьянкой. Смотри не продешеви!

И мы двинулись по улице в поисках базарного места.

Язык до Киева доведёт, как говорится. Вот и мы довольно быстро оказались на торговой площади по другую сторону реки, делившей Петерград пополам. От замка подальше – и на душе спокойнее.

Народу здесь гуляло много: разнообразные торговые ряды, кукольные театры да карусели. Гуляли и зажиточные, холёные да церемонные, и недавно выбившиеся из грязи в князи, да не научившиеся ещё манерам, – для нас с Зойкой настоящий цирк. Торговцы зазывали, дети носились меж толпы, молоденькие барышни весело хихикали – женихов привлекали, диковинные птицы верещали в клетках – шумно, как на турецком базаре, заграница лет эдак двести назад… И куча еды! А мы без гроша в кармане.

Снова заурчало в животе.

— Так, сначала обед, потом дело! — решила Зойка, за что я была ей очень благодарна: на голодный желудок и думать не думалось.

Я огляделась – стражи не видно, вроде всё безопасно, для смелости вдохнула полную грудь воздуха и вышла на лобное место. «Ну, поехали…»

— Кто хочет погладить диковинную козу? — продекламировала не хуже ярмарочных зазывал и махнула на Зойку.

Та вытянулась на стройных копытцах, хвост пучком, голову задрала, блеснув идеальными рогами, – модель, да и только!

— Один раз – один пирожок, два раза – три пирожка! Покататься на спинке – пять лепёшек!

— Э-э, ну ты не наглей! — боднула Зойка в бедро.

— Если покатаешь, сразу оптом возьмём и свалим, — проговорила я уголком губ.

— Скажи хоть десять лепёшек, — снова боднула она.

— Эй, у меня уже синяки от тебя! — проворчала я, поглаживая ногу. — А танец от козы – бутыль ягодного взвара!

Я и понятия не имела, какая тут валюта ходит, да и вдруг здесь своя мафия, поэтому решила брать едой.

Поначалу народ смотрел недоумённо, кто-то и пальцем у виска крутил. Но, когда Зойка вдруг чечётку отбила, вокруг сразу собрались любопытные, особенно дети баронов и князей.

Но всё же тестостерон в Петерграде зашкаливал: мужские взгляды так и скользили по мне, а женские – ревнивые, кислые – настораживали. Пришлось косить глазами и изображать нервный тик, чтобы выглядеть менее привлекательной. Поэтому и решила быстрее разузнать о ведьме: начала расспрашивать простых людей, знает ли кто о сильной ведьме. Но с первого же вопроса на меня косились крайне осуждающе, даже боязливо, будто и шутить о таком не принято.

Тогда придумала жалобную легенду про батюшку с хворью невиданной – вот и ищет дочь сильную знахарку. Но те, кто и вспоминал не про цирюльников да травников светских, твердили про знахарку из Черского леса – как проклятие какое. Мы с Зойкой лишь досадливо переглядывались.

Но пара крестьян, поящих лошадей у коновязи, рассказала о другой знахарке, что в ущелье у водопадов жила.

— Тама башня старая стоит, может, тама и живёт. Однако давно та тропа нехоженая. Кто его знает, — пожал плечами старший.

— Но охотники видели: горит огонёк в окошке-то. Неспроста, — подтвердил второй.

— И где та башня? — спросила я, едва не подпрыгнув от радости.

— Вот туды, — махнул мужичок сухонькой рукой в сторону холмов.

— Ну и куда это? Тоже мне – навигатор! — фыркнула Зойка, пританцовывая.

— Направление по реке найдём, — успокоила я подругу, у которой топографический кретинизм с детства процветает.

«Уршуля тоже про где-то тут говорила, может, и повезёт! Должно повезти!» — подумала я и ещё активнее замахала над козой.

Задерживаться на площади не хотелось: сиплый королевский крик «вон!» всё ещё пружинил по нервам. За полчаса желающих поглазеть на козу, выполняющую команды «ап!», собралось немало, но платить пирожками никто не спешил. Однако несколько ребятишек с сердобольными мамашами сунули нам с десяток монет.

И вдруг…

— Коза у тебя диковинная! Продашь? — спросил пузатый барон-фанфарон в расшитом камзоле в смешных панталонах. Рядом, видимо, супруга оного, удерживала разъевшегося баронёнка, с визгом рвущегося к козе.

— Что-о?! — отшатнулась Зойка, а потом воинственно встала на задние копыта. — Щас на рога посажу!

— Э-э, уйми рогатую! — отскочил барон. Жена тоже шарахнулась и едва не запуталась в подоле.

— То-то же! — буркнула Зойка, дёрнула хвостом, развернулась и демонстративно выпустила из-под хвоста гороху прямо на его сапоги.

— Святые ёжики! — зажмурилась я, не веря, что со мной всё это происходит, а опомнившись, затараторила: — Простите-простите… она всегда так реагирует, когда её хотят забрать… Хотите, пусть малыш бесплатно её погладит…

— Нет уж, своё чадо к бешеной козе не подпущу! — хмыкнул барон, пригладил шейный платок и отошёл… без последствий.

Хотя, как сказать: после него и все остальные отошли.

— О-о, Зоя, давай при людях я о твоей безопасности сама позабочусь, — простонала я, — иначе тебя как бешеную уведут.

Зойка покосилась на меня, но промолчала. Я отвела её подальше от толпы и посмотрела на заработанные монеты из потемневшего красноватого металла с гербом.

— Что на них купить-то можно?

Мы пошли по дальним рядам, понаблюдали, кто чем платит и как торгуется, и я быстро смекнула, что на два дня еды закуплю. В хлебной лавке купила лепёшек, бутыль ягодного взвара, а после мы с Зойкой сели под навесом печатной мастерской, где было меньше всего народу.

— Фух, ну и загоняла ты меня! — Зойка смешно вытянула копыта перед собой.

— Прости, пышка, что ни делай – всё невпопад, — вздохнула я.

— Эй, ну ты чего? Нам ещё немного продержаться, и свалим отсюда, — потёрлась мордой о моё колено подруга.

— Просто мозг кипит и не знает, что предпринять, — ответила я уже бодрее: не время раскисать, известно, кому тут хуже всего. — Сейчас углеводов ему подкину, и дело пойдёт, — и жадно зажевала лепёшку.

— Эх, мне бы сейчас эклерчика… — жалобно вздохнула Зойка.

— Вернёмся – я тебе тонну закажу, святыми ёжиками клянусь!

Зойка фыркнула от смеха, но получилось какое-то нелепое меканье.

Заглотив лепёшку, я уронила затылок на витрину и на минутку прикрыла глаза.

«Так, что у нас есть: какое-то ущелье, направление примерно понятно. Может, к Уршуле заглянуть, платье вернуть? Вдруг ещё что подскажет?..»

— Слыхали? В замок знахарку из Черского леса привели, так она королеве хворь навела непроходимую… Казнят как пить дать! — неожиданно послышалось рядом.

Я мигом распахнула глаза и вытянула шею. Зойка тоже насторожилась.

— Ох, казнят старуху, поди, на королевской площади, при народе? — покачала головой торговка лентами.

— Как поймают, так и определят… Слышал, уж выслали из замка по следу, — страстно закивал тощенький мужичок, будто только и ждал подобного зрелища. — Но старуха-то далеко не уйдёт…

У Зойки глаза к рогам полезли, а у меня сердце в пятки ушло. Я сорвала какую-то тряпицу, висевшую на гвозде у мастерской, повязав её на голову, надвинула на лицо, зачерпнула земли и размазала её между рогами Зойки. Та поморщилась, но маскировку оценила.

Я подхватила куль с лепёшками и бутыль, и мы шмыгнули за угол.

— Вот теперь мне по-настоящему страшно, Зоя… Нам и спрятаться негде. Кто нам поможет? — тяжело дышала я, стараясь не бежать, чтобы не привлекать внимания.

— И не говори, я с первых минут укакиваюсь, — подруга цокала копытами впереди. — Куда деваться-то? В лес?

— В избушке искать будут. Хотя надо проверить, может, портал открылся?

Зоя резко остановилась, как рогами в стену воткнулась, и заблеяла:

— А если не повезёт: тебя повесят, меня – на гуляш… О-о-о…

— Тише, Зой, — я зажала ей рот и огляделась, опасаясь, что из-за паники могла сбиться с направления.

— Короче, убьём двух зайцев: сразу идём в ущелье! — отрезала она.

Я закатила глаза и прокралась по стеночке трёхэтажного дома.

Петерград не был окружён стенами, поэтому вскоре мы выбрались к дороге из города. Судя по пикам ущелья, идти предстояло километров семь-восемь. Но, только взглянув на лесистые холмы, почувствовала, как засосало под ложечкой: идти неизвестно куда, без особых припасов, с козой, которую при всём желании далеко на руках не унесёшь, – очевидно провальная затея. Но выбор был невелик: либо казнь, либо ещё побарахтаться!

Стиснув зубы, зажав провизию под мышкой, посмотрела на ноги: «Эх, лапти бы выдержали и мозоли не полезли бы…» Расправила плечи и бодро улыбнулась Зое:

— Ладно, пышка, волков бояться – в лес не ходить.

По проезжей дороге идти было опасно, тут уж и к бабке не ходи, поэтому мы спустились в заросли вдоль обочины и двинулись параллельно тракту.

Шли долго, казалось, дорога к холмам бесконечна, устали перебираться через овраги, брёвна и траву по пояс. В Питере я могла по три часа гулять без остановки, но эта тропа с препятствиями выматывала слишком быстро.

Скорее, было уже за полдень, когда мы вышли на поляну, откуда открывался вид на ущелье и слышался шум водопада. Я обедала на ходу, потому что злость подгоняла сильнее усталости, хотелось, наконец, найти эту башню и знахарку.

Обойдя водопад, мы вышли на пустырь с башней из чёрного камня высотой с двухэтажный дом. Но пустырь – это громко сказано: трава росла по пояс, местами – по шею, и не было ни единой тропинки.

В своём мире я решила бы, что здесь давно никто не живёт, но после всего пережитого не спешила доверять логике.

Оставив куль с провизией на камне, мы кое-как пробрались к башне.

— Я еле продралась. Думаешь, старушенция ходит здесь каждый день? — донёсся голос Зойки откуда-то сбоку, потому что саму её я не видела.

Я вскинула голову к единственному арочному окну и поморщилась:

— Ну разве что на метле прилетает… Даже вокруг нашей избушки было ухожено. Ни огорода здесь, ни хозяйства… Не ходит же она в Петерград по полдня туда и обратно…

— Или она святым духом питается, — фыркнула Зоя.

— Кажется, там даже нет стекла. Как жить-то? Сквозняки и комары, наверное…

— Охренеть! Я копыта стёрла, а тут никого? — возмутилась Зойка.

Я подпрыгнула, пытаясь разглядеть хоть какие-то признаки жизни вокруг, но увидела лишь покосившийся навес неподалёку.

В этот момент на лоб упала холодная капля. Я подняла лицо к небу, и моргнула ещё от одной.

— Кажется, дождь начинается, — простонала я и поспешила к башне.

Кое-как раздвинула заросли и подёргала дверь за поперечную доску. Ручки на ней не было, а сама дверь так перекосилась от времени, что даже проросла травой по щелям. Моих силёнок не хватило её открыть.

Тем временем дождь усилился.

— Ме-е-е! — закричала Зойка и бросилась под первое деревце.

Я кинулась следом, но редкая листва не защитила. Тогда мы перебежали к навесу. Крыша хоть и была прохудившейся, но защищённое местечко нашлось. Я примяла плотную траву, и мы с Зоей забились в уголок.

— Как назло, — сопела она, косясь на белую стену дождя.

— Переждём здесь, — вздохнула я, чувствуя, как от долгой дороги заныли стопы.

Я сняла лапти и с ужасом обнаружила мозоли, которых не чувствовала, пока шла. Сырость начала пробираться под платье, становилось зябко. В груди так сжалось от отчаяния и беспомощности, что хотелось зареветь вместе с дождём, но я лишь сжала губы, привалилась к тёплому боку Зойки и зажмурилась.

— Ты не против? Так теплее…

— Рада помочь, — грустно вздохнула она и положила морду мне на макушку.

Так мы и лежали в траве, одинокие, молчаливые и потерянные.

Усталость навалилась так резко, что я и не заметила, как провалилась в сон.

Когда проснулась, испуганно вжалась спиной в подушку из травы: вокруг стояла ночь.

«Ничего себе меня вырубило!» — вздохнула осторожно и нащупала рядом тёплое пушистое тельце: Зойка ровно сопела, иногда подрыгивая копытцем.

Дождь едва моросил. Небо было таким чистым, звёздным, что на минутку засмотрелась в его глубину. В видимом клочке из-под навеса не разглядела знакомых созвездий, от этого стало не по себе.

«Ёлки! — простонала мысленно, вспомнив, что оставила лепёшки на другом конце пустыря. — Сейчас там уже одна квашня».

Но сдвинуться с места не решилась: кто знает, что там в мокрой траве водится, да и Зоя пусть спокойно поспит.

Ещё долго я разглядывала тёмные заросли впереди, прислушивалась к жутким шорохам, но, в конце концов, снова отключилась.

Глава 9. Спасатели Малибу

Проснулась я оттого, что замёрзла и кто-то громко свистнул. Я вскочила и огляделась. Зойка по-прежнему мирно сопела. Уже было солнечное утро, а над травой парила белая дымка.

— Ой, — простонала я, потирая спину от сна в неудобной позе.

Платье отсырело, а в волосах, кажется, поселилась половина местного леса. Я встряхнула головой, прочесала пряди пальцами и собрала гульку на макушке. Содрогаясь от влажности, натянула лапти и выбралась из-под навеса. Посмотрела на мрачную, заброшенную и совершенно бесполезную башню и потянулась.

— Ну что? — сонно проблеяла Зойка за спиной. — Знахарка за ночь не материализовалась?

— Ага, и траву не покосила, — проворчала я.

— Доброе утро, Мариш, — вышла ко мне Зоя и огляделась. — Что делать будем?

— Найду лепёшки, — сморщила нос я и, разводя сырую траву руками, пошла туда, где оставила куль.

Но на камне лежала лишь разорванная серая бумага – видно, кто-то позавтракал. Бутыль осталась нетронутой.

— Ну… что ж, диета форэвер! — вздохнула я и отпила взвара, оставив немного на потом.

Зойка подошла и потёрлась о моё бедро.

— Может, в избушку? Нас, наверное, там уже искали?

— Думаешь, я дорогу знаю? — погладила козу по макушке.

«Как Петерград обходить будем? Да ещё и с моими мозолями!» — вздохнула мысленно, но промолчала.

Снова посмотрела на башню, на ущелье, потом в сторону Петерграда: «Возвращаться опасно. Куда идти – не представляю… Какая-то засада…»

И вдруг к птичьему щебету примешался опасно знакомый звук. Мы с Зойкой одновременно замерли.

— Собака? — спросила она.

Я прислушалась. Это точно был собачий лай, и он повторился, а следом донёсся топот копыт.

Зойка нервно дёрнула ушами:

— Мариш…

— Молчи! — шикнула я, пригнув голову.

— Мариш, это же не за нами?

Лай стал ближе, и не просто лай, а азартный, с надрывом, будто охотник уже учуял добычу. Я сглотнула и выдохнула едва слышно:

— Бежим!

Мы рванули мимо башни через заросли. Мокрая трава хлестала по лицу и рукам, лапти скользили по размытой земле, а позади всё отчётливее слышались топот и лай.

— Сюда! — махнула я в сторону густых кустов к ущелью.

Продравшись через кусты, я оглянулась на Зойку, но неожиданно угодила ногой в ямку и рухнула ничком. Когда подняла голову, то увидела, что впереди разлилась мутная заводь метров на двадцать. С одной стороны – скала, с другой – крутой склон холма. Пути назад не было – только вперёд.

Я поднялась и снова посмотрела на тёмную воду.

«Да тут по колено максимум… Всего лишь дождь налил… Пройдём! Зойку на плечи возьму… — оглянулась на ткнувшуюся в ногу козу и вздохнула от досады: — Ёлки, вот свезло же, не могла в попугая превратиться?»

— Ну и куда теперь? — настороженно принюхиваясь к воде, спросила Зойка.

Глаза сразу выискали несколько крупных деревьев, согнувшись почти к воде, они прокладывали прерывистый мост из стволов, по ним вполне можно было перебраться на другую сторону.

Недолго думая я ринулась к первому стволу.

— Сюда!

— Ты что, с ума сошла-а?! — проблеяла Зоя. — Какой из меня канатоходец на копытах!

— Ну как хочешь – вот сдерут твою прекрасную шкурку да постелют у трона Марианны…

— Вот умеешь ты убедить! — фыркнула коза и осторожно придвинулась к воде.

Я ухватилась за тонкую ветку и шагнула на бревно. Первые несколько шагов всё шло неплохо, но я не учла сырость после дождя и чёртовы лапти.

Неожиданно земля перевернулась, и я рухнула в воду.

— Мариша-а-а! — раздалось громкое блеяние с бережка.

Но мне было не до Зойки. Вода оказалась не водой, а плотной жижей. Сначала попыталась нащупать дно, чтобы подняться, но лишь почувствовала, как нога уходит глубже обычного, потом вторая, а выпутать их из чего-то вязкого не получалось.

«Ну всё, трындец котёнку! — беспомощно всхлипнула я и забарахтала руками, стараясь найти опору. Но то бревно, по которому шла, оказалось в паре метров. — Да как такое может быть?!»

— Зоя! — закричала я, с ужасом понимая, что угодила в настоящее болото.

— Мариша-а?! — надрывно кричала та, отчаянно скача у кромки воды с глазами-блюдцами.

Тина чавкнула и сомкнулась вокруг груди. Я дёрнулась, но стало только хуже.

— Не двигайся! — завопила коза.

— А что делать-то?

— Не знаю! Я не спасатель Малибу!

Через минуту грязь уже добралась до шеи. Осознание, что я и вправду тону, накрыло ледяной волной. Я попробовала собраться и попыталась вспомнить из фильмов, как спасаться в такой ситуации. Но перед глазами стоял только один мрачный фильм: «А зори здесь тихие».

«Бр-р! Нет! — мотнула головой. Но мозг будто работал отдельно: глаза выхватили новое решение: — Зой, вот те деревца… попробуй наклонить одно ко мне.

Зойка догадливо бросилась к тонким деревцам ближе ко мне на островке суши и принялась тянуть зубами гибкую ветку. Только у неё ничего не получалось.

— Щас… Потерпи! Я разгонюсь и пузом на него упаду! Согнётся точно!

Она попятилась – и умудрилась застрять между двумя стволами, да ещё и рогами зацепилась.

— Зоя… — зажмурилась я, но почему-то страшно стало не за себя: она здесь без меня не выживет.

— Твою ж мать! — выругалась она, буксуя копытами, но лишь сильнее увязая между стволов.

— Зоечка, милая…

— Я сейчас… Да чтоб тебя!..

И вдруг совсем рядом раздался знакомый голос:

— Вот я т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.